

A romantic illustration of a man and a woman in a garden. The man, with long grey hair and a beard, wears a dark, ornate jacket with red velvet sleeves and a silver brooch. He is kissing the woman on the cheek. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a red dress with white lace. They are surrounded by red flowers and green foliage. In the background, a castle with lit windows is visible under a soft, hazy sky.

Мария Лунёва

*Наследница
долины
ТУМАНОВ*

Мария Лунёва

Наследница долины туманов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67567527

Аннотация

«...Моё старенькое тяжёлое инвалидное кресло, скрепя несмазанными колёсами, катилось по узкому коридору. Отделанные камнем стены давили, когда-то их закрывали гобеленами, но те пришли в негодность, а на новые князь тратить не пожелал.

А зачем? Тут ведь ходит только прислуга, да я.

Осторожно войдя в поворот, придержала себя, рукой упершись о стену. Сегодня все были заняты, и свободной прислуги, чтобы помочь мне добраться до сада не нашлось. Приходилось добираться самой.

Замок был взбуродражен.

На всех углах шептались о предстоящей войне.

“Северяне идут” – вопили мальчишки, дети служанок...»

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	26
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	72
Глава 7	90
Глава 8	102
Глава 9	116
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Мария Лунева

Наследница

ДОЛИНЫ ТУМАНОВ

Пролог

Туман, словно живой, стелился по земле, медленно подбираясь к нашему перевернувшемуся ландо. Где-то впереди я слышала ржание лошадей. Звук отдалялся.

Я совсем не понимала, что произошло.

Вот, буквально пару мгновений назад, мама дремала, положив под голову маленькую подушечку, мы с Крисс, сидя напротив неё, как всегда, играли в ниточки. И пусть мы были уже не дети, и отметили свой семнадцатый день рождения, но любовь к этой забаве не угасала. Натянув на пальцы крепкий шнурок, увлечённо пытались не сбиться и не запутаться. Крисс, прикусив нижнюю губу, подхватила указательными и большими пальцами места, где скрещиваются нити, и перетянула их на свои ладони. Настала моя очередь. Ухмыльнувшись, я успела подцепить верёвочки мизинцами, как вдруг почувствовала резкий толчок и оглушающую боль во всём теле.

Рядом глухо вскрикнула сестра и всё стихло.

Проморгавшись, уставилась на маму, лежащую на земле. Что она мертва, поняла сразу. Её голова была вывернута под неестественным углом. Она так и не проснулась.

Я попыталась пошевелиться, но ничего не вышло.

Что-то сильно придавило меня сверху. Дёрнувшись ещё раз, услышала рваный выдох.

Крисс!

Она лежала прямо на мне, а сверху нас прижимала к земле крупная широкая балка или сидение. Всё что я могла – это медленно пропускать воздух в лёгкие. И ещё слушать биение сердца родной души.

Сестрёнка изредка стонала, разрывая оглушающую тишину.

Собрав остатки сил, я потянулась к ней. Моя магия только развивалась и была ещё слаба. Но Крисс – сестра близнец. Мы с ней неразлучны с первого младенческого крика, поэтому сейчас я могла её достать. Могла проникнуть в её тело и подлечить те страшные раны, что она получила при крушении.

Я чувствовала, как вытекает кровь из её вен. Как трепыхается из последних сил родное сердце.

Я старалась! Латала разрывы внутри неё, как могла. Выжигала себя, отдавая всё, что имела, лишь бы спасти. Спасти свою Крисс!

По моим щекам медленно скользили холодные слезинки. Её дыхание выровнялось. И это была маленькая победа.

У меня вышло, главное, чтобы сейчас за нами пришли. Чтобы нас спасли! Моей магии целителя хватило, чтобы немножечко продлить жизнь сёстры.

Но проходили минуты, и никто не шёл.

Не выдержав накала эмоций, я зарыдала в голос.

Это оказалось фатальной ошибкой для нас!

Туман встрепенулся и медленно пополз в нашу сторону. Тонкие белесые жгуты, казалось, ощупывали стылую землю в поисках жертвы. Заметя странное подёргивание дымки, я замерла. Слезы мгновенно высохли, страх сменился животным ужасом. Я впервые в жизни видела тени, но как наследница княжеского рода, правящего на этих землях с момента появления Тумана, прекрасно осознавала, что за прозрачными скорбными призраками явятся мёртвые.

Тени вырисовывались словно из ниоткуда.

В одной из них, белоснежной и как будто живой я легко опознала мать. Её тело лежало на расстоянии вытянутой руки, а душа парила над каретой, пытаясь защитить.

Крисс снова застонала.

Вздвогнув от этого звука, я попыталась поделиться с ней своей магией, но ничего не выходило – я была пуста.

По-детски хлопнула носом, виновато посмотрела на тень мамы.

Она плакала. Я отчётливо видела, как призрачное лицо перекосила гримаса боли и беспомощности.

– Мамочка, – мой голос словно шуршал.

«Молчи», «молчи», «молчи», – шептали тени.

Они метались вокруг ландо, пытаясь скрыть. Спрятать. Не дать погубить.

Поняв, что нам грозит беда, я снова напрягла силы и буквально выдавила из себя всю магию, что ещё сохранилась в душе. Мой потенциал был велик, со временем я могла бы стать сильной целительницей.

Но не теперь!

Я ощутила такую пустоту внутри, словно часть души потеряла. Я выжгла себя дотла.

Ничего не вышло.

Сердце сёстры лихорадочно трепыхалось, замедляя свой ход. Она умирала. И никто не спешил нам помочь.

Воины, что должны были сопровождать нас – исчезли. Ку-чер, наверняка, лежит где-то рядом.

Тени метались всё быстрее и хаотичнее. Зажмурившись, я притихла.

Хруст ветки вывел меня из кратковременного оцепенения.

Трусливо закрыв глаза, затаила дыхание.

Мёртвые!

Ну, где же воины, что сопровождали повозку?! Где отец?! Где всё!

Хотелось вопить от ужаса. Кричать и звать на помощь.

Только вот нельзя!

Я осознавала, что один звук может выдать меня и сестру.

Единственный стон.

Тени метались, но что могли сделать бестелесные призраки?

Мамино тело дёрнулось. Её голова странно качнулась и встала на место. В глазах загорелся мёртвый огонёк. Прикусив губу, я внутренне похолодела. На языке явственно ощущался металлический привкус крови. Казалось, что всё нереальность. Что я просто уснула, совсем как мама, и всё это мне снится.

Всё неправда. Сон. Кошмар!

Но глухой нечеловеческий хрип, вырвавшийся из уст мёртвого тела, заставил меня очнуться и понять, что всё это действительность.

Мама дёрнулась, но тяжёлая повозка, перевернувшись, придавила не только нас с Крисс, но и её. Закрыв глаза, я тихонько хлопнула носом.

Где папа?

Почему он не едет так долго? Ведь они были впереди. Почему же князь не заметил, что ландо с его супругой и наследниками исчез? Почему никто из воинов не видит, что экипаж, который им велено охранять, так и не выехал из тумана?

Все эти вопросы роились в моём сознании.

Мама дёргалась, как будто в припадке, но не могла освободить себя. Её душа трепыхалась сверху в бессилии, пытается оградить нас от умертвия. Всё это буквально вымораживало мою душу.

Что-то странное коснулось ног. Ледяное обжигающее касание. Туман!

Крисс снова застонала и, не успевшая испугаться, что нас услышат, как повозка, под которой нас придавило, дёрнулась, и тело сестры медленно сползло с меня, растянувшись рядом.

Тихо всхлипывая, я потянулась и взяла её за руку. Она была практически мертва. Я ничего не могла больше для неё сделать. Я теряла все. Всех, кого любила! Вот так в один момент, словно сердце вырвали.

Я отдала всю силу, но её оказалось так мало. Из живота моей Крисс торчала палка, проткнувшая её.

Она могла бы выжить, появись сейчас воины. Был бы здесь взрослый целитель, или останься бы маменька жива. Она бы смогла нас спасти.

Зажмурившись, я сжала пальцы сильнее, пытаясь запомнить тепло ладоней сестры.

Повозка снова качнулась и мою спину обожгло, словно что-то вонзилось. Нечто холодное скользнуло по ногам и тяжёлые жуткие хрипы позади.

Мёртвые пытались перевернуть ландо. Мамино тело перестало биться и притихло. Остатки жизни из него ушли.

Повозка приподнялась, и в широкую щель просунулась грязная рука с содранными ногтями. Пошарив, мертвец схватил тело Крисс за худенькое девичье плечо и дёрнул. Я всё ещё держала сестричку за руку.

Я не могла заставить себя, её отпустить.

Я удерживала её, вцепившись мёртвой хваткой.

– Спаси меня, Амэлла, – хриплый шёпот сестры врезался в моё сознание, – не отдавай им.

Я сжала её ладонь сильнее.

– Я не могу, – одними губами шепнула в ответ.

– Не отдавай меня.

Как могла, я собирала искры своего угасшего дара и посылала ей.

Но мертвец, сжав тело сестры крепче, тянул её из моих рук.

– Не отдавай, – молила она окровавленными губами.

Ландо скрипнуло, и обломки повалились набок. Штырь, торчавший из тела сестры, покосился. Крисс судорожно захрипела и умолкла.

Её сердце совершило удар, из уст вырвался последний вздох.

Её не стало.

Подкравшись к ней, туман окутал безжизненное тело и отполз, утягивая за собой её чистую белоснежную душу.

Новая тень встрепенулась и замерла рядом с призраком мамы.

На мгновение мне стало завидно. Теперь они вместе.

Новая оглушающая боль заставила меня отвести взгляд от душ любимых людей и зажмуриться.

Мертвец снова дёрнул уже мёртвое тело сестры на себя.

Я сжала её ладошку, но силы уходили.

Не отдам.

Пусть она уже мертва, но не отдам её тело туману. Не позволю! Расплакавшись, я сражалась с мертвецом за право похоронить Крисс, но и тут проиграла. Её забрали. Мои пальцы соскользнули и выпустили хладную ладошку самого родного мне человека.

Крисс не стало.

Я рыдала в голос и звала отца.

Слышала, как вокруг бродили мёртвые. Пару раз они хватили меня и дёргали, усиливая боль в спине. Попытались утащить в туман. Но обломки повозки плотно прижимали меня к земле.

Время словно остановилось.

Никто не спешил мне на помощь. Никто не увидел, что ландо с княгиней и княжескими дочерьми исчезло.

Тени, нависнув надо мной, пытались мешать мёртвым терзать меня. Я видела через обломки их лица, бледные и напуганные. Хлюпая носом, искала среди них родных. Но глаза застилала слёзы.

Рана на моей спине отдавалась жгучей болью. Тяжёлые щупальца тумана окутывали меня. Пробирались под одежду и присасывались, как пиявки к ране, вытягивая жизнь. Взамен они отдавали тьму, отравляя тело.

Мне становилось всё холоднее. Пальцы немели, изо рта вырывался пар. Сомкнув глаза, я приготовилась быть выпи-

той без остатка.

Я выгорела. Вместо светлого дара целителя, меня заполнила сама смерть, что стелилась туманом.

Мёртвые замерли и на мгновение тишина, воцарившаяся над поляной, оглушила. Я решила, что умерла и с надеждой посмотрела на тени, ища маму и Крисс. Но призраки исчезли.

– Бедный ребёнок, – раздался рядом шелест, – бедная маленькая сияющая.

Надо мной заскрипели обломки и, сделав глубокий вдох, я, наконец, ощутила, что тяжесть пропала. Моё тело высвободили.

– Унести тебя нужно, а то совсем пропадёшь.

Сглотнув, я посмотрела на того, кто пришёл на помощь и замерла.

В легендах нашего княжества часто рассказывали о людях – змеях, приходящих на помощь тем, кто заплутал в тумане. Но этот пожилой хашасси мне точно не привиделся. Нянечка столько раз рассказывала нам истории на ночь об этих созданиях, что не признать стража туманной стены, я не могла.

– А Крисс? Мама? – прошептала я.

– Их прибрал туман, девочка, – на лице мужчины, так похожего на человека, отобразилась скорбь и печаль, – у каждого из нас своя судьба.

– Я хочу забрать их, – я не желала сознавать, что мои родные останутся здесь. Это было неправильно.

– Придёт время, и ты вернёшься, чтобы освободить их, – мужчина что-то дернул, и я не сдержала крика. Я практически не чувствовала ног. Всё, что ниже спины, занемело.

– Мне больно, – пожаловалась я, – папа не пришёл. Никто не увидел!

– Он предал тебя, дитя. Запомни, что такое предательство и никогда не совершай его. Придет время и на эти земли придут Иные. Они не способны предавать. Ты станешь одной из них. А пока просто живи. Не давай погубить себя. Взрослей, дыши и радуйся рассвету.

Я не понимала, о чём толкует хашасси. Всё, что отложилось в моей голове – это «папа предал».

Мужчина со змеиным хвостом поднял меня и пополз вперёд по дороге. Щупальца тумана отскакивали от него, словно боясь. Обняв его за могучую шею, я провожала взглядом то страшное место.

Там осталась моя мама и Крисс.

Там закончилось моё детство.

Мой отец, князь Руско, пришёл только через несколько часов. Он нашёл меня под деревом у дороги недалёко от границы тумана. На его лице не отобразилось хоть какой-нибудь радости по поводу моего спасения. После того как целитель заявил, что я останусь калекой и заражена тьмой, он благополучно забыл о моём существовании, женившись на любовнице, что была беременна от него.

Через четыре месяца бедная девушка родила ему мёртво-

го мальчика. Моя мама и сестра были отомщены, хотя радости от этого я не испытывала.

Княжество Охрил осталось без наследника.

Глава 1

Десять лет спустя

Моё старенькое тяжёлое инвалидное кресло, скрепя несмазанными колёсами, катилось по узкому коридору. Отделанные камнем стены давили, когда-то их закрывали gobеленами, но те пришли в негодность, а на новые князь тратить не пожелал.

А зачем? Тут ведь ходит только прислуга, да я.

Осторожно войдя в поворот, придержала себя, рукой упершись о стену. Сегодня все были заняты, и свободной прислуги, чтобы помочь мне добраться до сада не нашлось. Приходилось добираться самой.

Замок был взбудоражен.

На всех углах шептались о предстоящей войне.

«Северяне идут» – вопили мальчишки, дети служанок.

Казалось, только мне было всё равно, кто там объявил нашему княжеству войну.

Сколько их уже было за последние десять лет?! Войн этих.

Глядя на пустые поля, зарастающие молодым кустарником, видя, как охотники раз за разом возвращаются с пустыми руками, а в свинарнике, рассчитанном на сотню живот-

ных, сыщется только с десятков тощих поросят, я пришла к выводу, что лучше бы нас захватили и земли Охрил славили нового князя.

Который навёл бы, наконец, порядок.

Но мой проклятый супруг раз за разом выходил победителем. В соседних княжествах ситуация была не лучше.

Голод, разорение и упадок.

Докатившись до тяжёлых дверей в сад, я остановила коляску. Сбоку специально для меня оставляли длинную палку. С её помощью я сдвигала засов, расположенный так, что мне руками не дотянуться. Никто так и не удосужился перебить его пониже. И моему покойному отцу и супругу плевать было на меня и моё удобство. Только мачеха проявляла ко мне интерес и искренне пыталась сделать мою жизнь проще.

Подняв палку, я принялась целиться, цепляя крючок.

За столько лет я уже набила руку, и спустя минутку двери распахнулись, выпуская меня на улицу. В лицо мне ударил поток свежего воздуха, принёсший с собой аромат хвои.

Мой любимый запах.

Ухватившись за внешний обод больших колёс, покатила коляску вперёд к широкой тропинке, ведущей в небольшой ельник. Улыбнувшись, я подставила лицо солнцу. Сегодня было ветрено и влажно. Хороший день. Доехав до высоких елей, я остановилась. Это было моё любимое место. Здесь редко появлялись члены нашей семьи. Да и служанки, зная, что я здесь сижу, старались обходить меня стороной. Только

старая нянечка, бывало, приходила поговорить.

Ели шевелили мохнатыми лапами, в которых путался ветерок. Всё пространство здесь было пропитано запахом хвойного леса. Вокруг тишина и покой, которых так нахватало.

А ещё порой мне виделся призрак сестры по другую сторону озера, что раскинулось буквально в паре метров от меня. Возможно, я это видение просто придумала или желала верить, что родная душа навещает меня. Местные, признаться, боялись этого места. Дурная слава за ним. Ведь там, на той стороне озера, начинался гиблый туманный лес.

Вот так, совсем рядом с нашим замком. И с каждым годом он словно наступал, расширяя свои границы, и всё чаще слышались шепотки о тенях и мертвецах.

Я отмахивалась от всех этих сплетней. Хотя и знала, что порою туман приходил даже в наш дом. Крепостные стены не спасали от магии смерти. Так погибла моя бабушка. Туман выпил её во сне.

Во всяком случае, нянечка утверждала, что это не слух, а истина. А не верить ей, повода у меня не было.

Я ждала свою старушку и сегодня. Но в последние дни её завалил работой. Ещё бы, северяне же идут. Нужно подготовить тюки да сундуки к возможному бегству.

А мне было смешно. Куда бежать?

Со всеми соседями передрались, перегрызлись.

К кому они побегут помощи просить?

Хотя, я была далека от политики и мало, что, вообще, понимала в этих вопросах. Никто не нанимал для меня учителей, не учил тому, что должна знать княжна. Да и не была я ей, по сути.

После смерти матери отец женился повторно на своей любовнице, дочери одного из богатеньких плантаторов. Девушка была немногим старше меня. Отец смотрел на неё, как на молодую утробу, и только.

Ни уважения, ни почтения.

С какой блаженной физиономией он вещал своим многочисленным друзьям – подпевалам о том, что у него скоро будет дитя. Рассуждал, как хорошо постелить под себя молоденькое тело. Делился деталями, не обращая внимания, что и я и мачеха находились в комнате и всё это выслушивали. Мояла в такие моменты не знала, куда отводить взгляд, и как реагировать на глумливые смешки. А после она, как и я, бежала в объятия нянечки, которая приняла её как внучку, и плакала у неё на плече.

И вот долгожданный день настал. Ребёнок родился. Только вот счастья это отцу не принесло. Его такой долгожданный сын появился на свет мёртвым. Он не издал своего первого крика, не разомкнул глаза.

Я должна была бы радоваться, мои близкие были отомщены этой смертью. Но глядя на маленькое тельце, завёрнутое нянечкой в пелёнки, только тихонько плакала.

Это не та цена, которую я готова была принять.

Младенца тихонько схоронили. А отец принялся искать новую более крепкую утробу.

Да, к счастью, долго не протянул: не успел обрюхатить, ни свою молодую жену, ни многочисленных любовниц.

Повернув голову, я глянула на три одинокие яблони, высаженные на небольшом холме. За ним находился семейный склеп. Отец погиб прямо там. Кто-то открыл дверь в зверинец. Вырвалась свора охотничьих псов и загрызла батюшку по непонятным побуждениям. Никогда такого не случалось, да и собаки агрессии не проявляли, ни до того случая, ни после. Мы даже не стали умерщвлять животных.

А Мояла, думаю, их ещё и сахарными косточками после подкармливала.

Много ходило слухов.

А уж когда мачеха, запинаясь, сообщила, что я выхожу замуж за её дальнего родственника, всё встало на свои места. Один тиран сменился другим. Новый князь размениваться не стал и быстро определил наследницу – калеку в жёны, а вдову усопшего – в любовницы. И плевать ему было, что последняя являлась его пусть и очень дальней, но родственницей.

Тему смерти прежнего князя поднимать запретили.

Ещё бы, новый правитель даже скрывать не стал, что наделён способностью управлять зверьём. Это был дар их рода. Удачливый охотник всегда возвращался с добычей, его псы слушались беспрекословно. Все понимали, кто убил мо-

его отца.

Но кто же убийце предъявит за смерть князя, если он занял его место.

Хотя, что странно, он всегда отнекивался, если кто пытался ему об этом намекнуть. Казалось бы, хвалиться должен – сумел власть захватить. Ан нет!

Явившись в наш замок, он быстро навёл свои порядки и назначил дату ритуала единения.

Не было у меня свадьбы пышной, да платья белого. Меня просто отвезли в храм, надели на безымянный палец правой руки простое серебряное колечко.

А потом...

А потом была брачная ночь.

О том, что происходило между моим мужем и мною, я предпочитала не вспоминать. Те мерзкие ночи, руки, тискающие моё тело, та боль, что доставляло соитие... Я старательно прятала это в недрах памяти и никогда ни с кем не говорила о том, что переживала в такие моменты.

Меня передёрнуло.

Я понимала, что брак для женщины – это смирение и покорность. А ещё унижение, насилие над личностью и... боль.

Её было так много в моей жизни, что в какой-то момент я и забыла, как это существовать отдельно от неё. И так раз за разом. Супруг заявлялся в мои покои всегда в подпитье, обвинял в том, что ему приходится ублажать покалеченную уродину, и намекал, что видно мне это нравится, поэтому я

и не тороплюсь беременеть. И причинял боль, мстя за свои мнимые страдания. На самом деле ему просто нравилось унижать и давить людей как тараканов.

Порой ночами в тишине я слышала громкий плач, доносившийся из спальни Моялы, расположенной надо мной. Наверное, она слышала и мои вопли, но виду не подавала. Закрывая подушкой голову, я молила всех известных мне богов, чтобы они прибрали душу князя и положили конец тому ужасу, что творился в нашей семье.

Но мои молитвы оставались без ответа.

Потянувшись, я нагнула веточку ели и вдохнула аромат, исходивший от неё. Хвоя. Расслабившись, откинулась на спинку кресла, предварительно подняв тормозной рычаг. Уснуть бы, и забыться во снах. В них я ходила, как прежде, собирала полевые цветы, плела венки и гадала о том, какого супруга мне пошлёт судьба. Там в небытие и забвение я всё ещё верила в любовь.

В действительности же понимала, что это сказка, придуманная несчастными женщинами, пытающимися продлить детство своим дочерям, огородить от реальности. Я помнила истории, что рассказывала нам мама перед сном. О сильных мужчинах, совершающих подвиги ради своих возлюбленных, о любви до гробовой доски и щемящей сердце верности.

Теперь я понимаю, что гробовая доска ждёт, скорее всего, женщину, а верность мужчина может хранить лишь самому

себе.

Любви нет – есть лишь смирение.

Годы, прожитые в постоянном страхе ночью услышать скрип дверей своей спальни, отложили свой отпечаток на моём характере. Я стала замкнутой и безвольной. Безразличие, Абсолютное равнодушие ко всему и всем.

Но, казалось, князя такое моё поведение только заводило больше. Он придумывал всё новые способы выставить меня на посмешище, унижить, размазать.

Всё прекратилось лишь тогда, когда семейный врач, знавший и учивший ещё мою матушку, заявил, что утроба моя пуста. Нет, пыл супруга это не охладило, но дало повод плотнее заняться мачехой. Ведь неважно, по сути, какая из женщин в итоге родит. Всё скроется и останется в семье, а слишком болтливых слуг просто вздёрнут на крепостной стене.

Муж стал являться в мою спальню значительно реже, и за это я была благодарна бедной женщине, что заменяла все эти годы мне мать. Да и она перестала плакать, видимо, теперь князь приходил к ней не развлечения ради, а за наследником.

Уже второй мужчина превратил её в «утробу». Это злило так, что скулы сводило, но я ничего не могла поделать. Мояла, как и прежде, заботилась обо мне, опекая и облегчая жизнь.

Мы обе знали, что целитель солгал. Но мачеха не выдала. Защитила.

Что двигало ею? Зачем она год за годом заботилась о пад-

черице: ухаживала, когда хворь одолевала, и боль в спине становилась невыносимой.

Зачем?

Я не знала ответа, а спросить никогда не решалась.

Боялась узнать что-то плохое о ней. Глупая трусость. Но во всём мире только она да няня остались для меня родными. Я не хотела терять кого-то из них.

Над крепостью разлетелся звон колокола, призывающего на обеденную трапезу.

Разложив свёрнутый на коленях платок, я накинула его на озябшие плечи. Сегодня в доме не до приёма пищи. Там сборы, Князь настолько верил в своё войско, что сгребал добро в сундуки быстрее, чем его доблестные воины дезертировали прямо из казарм. Хотя никто их уже и не ловил.

Итак, понятно, что войны не будет!

Потому как воевать некому. Северяне, вообще, могут просто прийти сюда стройным маршем и всё. Добить последних представителей княжеской семьи в моём лице и дело с концами.

Одно было хорошо – Мояла спасётся.

Она на третьем месяце беременности. Князь Хумъяр не оставит утробу, в которой развивается его чадо. В этом супруг был похож на моего батюшку. И хорошо! Может, убьют его где в бегах, по-тихому, а Мояла пристроиться куда. Она ведь вдова и посему никому не интересна.

А вот я прямая наследница этих земель.

Проклятая Долина Туманов не отпускала своих детей.

Здесь мне и сгинуть, хорошо, если кто похоронит. Супруг никогда не станет обременять себя спасением жены – инвалида. Женщинам нашего рода никогда не везло с мужчинами. У каждой тяжёлая судьба. Ни одна не смогла вырваться и найти своё счастье.

И мама, и бабушка умывались слезами, глядя на Туман.

Ни любви, ни тепла, ни нежности.

Сердца мужчин, что брали женщин нашего рода, были холодны и пусты, словно мёртвые.

– Амэлла, доченька, холодно сегодня, не погода для прогулок, – голос няни оказался для меня неожиданным.

Я настолько ушла в свои раздумья, что и шагов её шаркающих не слышала.

– Что ты, ия Лунсия, – я постаралась тепло улыбнуться и не выдать, насколько тяжело у меня на сердце, – сегодня солнечно и ветерок.

Но старушку не проведёшь, она внимательно выцветшими глазами глянула в моё лицо и нахмурилась. Собранная аккуратная «дулька» седых волос придавала женщине ещё более строгий вид, и на мгновение я снова почувствовала себя проказливым шаловливым ребёнком.

– Холод такой стоит, ветрище. Осень уж на пороге, а ей солнечно. Давно ли по носу ваше княжество сопли не гоняло, – отчитала меня нянечка, да так, что и ответить нечего.

– Ия Лунсия, не пристало такие вещи говорить в прилич-

ном обществе, – как-то неуклюже попыталась я призвать к порядку женщину, что приучала меня в своё время к горшку.

Но старушка лишь поморщилась, глядя на плед, прикрывающий мои ноги. Со временем ко мне вернулась чувствительность, я ощущала прикосновения, тепло рук разминаются мышцы, и даже чуть шевелила пальцами. Но рана, полученная в момент крушения ландо, так и не затянулась. Туман сделал своё дело, оставив во мне частичку своей мёртвой магии.

В особые дни, когда за окном стеною льёт дождь или завывает вьюга, рана открывается и начинает кровоточить, доставляя мне сводящую с ума боль.

Глава 2

В такие дни я старалась и вовсе не вставать с постели, только мачеха и нянечка не давали мне окончательно потонуть в своём горе. Иногда я смотрела в окно на серое небо и мечтала забыться и потеряться в своих снах. Но боль не давала даже задремать. Тьма, что вселилась в меня там, в тумане, грызла, выедавая крупницы света моего дара, не давая ему хоть сколько-нибудь восстановиться. Раз за разом осушая меня.

Няня, помявшись на тропинке, прошлась вперёд и вгляделась в лес, что начинался за озером.

– Призрак давно не появлялся, – шепнула я.

– И хорошо, – старчески вздохнула она. – Души, что остаются в тумане, чернеют и становятся озлобленными.

– Нет, с Крисс такого бы не произошло, она маг жизни, – возразила я.

– Она была им, Амэлла, но столько лет, – голос няни дрогнул, ладонь сжалась, сминая ткань подола простенького платья, – так не должно было быть. Они не должны были умирать.

Столько горечи и сожаления. Будто она виновата в чём-то.

– Мояла уже собрала вещи? – тихо спросила я, решив сменить тему разговора и не расстраивать ещё больше старушку.

– Она противится, не желает оставлять тебя здесь одну на растерзание северянам.

Ия Лунсия отвела взгляд от границы Туманной стены и подошла ко мне ближе.

– Нет, она должна уйти, – чётко отчеканила я, уже поняв, что у нянечки иное мнение.

– Не уверена, – сухая рука легла на моё прикрытое старой шалью плечо и чуть сжала, – про северян разное говорят. Но не одной сплетни про то, что людей они простых губят или девиц портят. Может, лучше остаться княгине здесь, чем с дитём в утробе по дорогам трястись и приют искать.

Нервный смешок вырвался из моих уст. Ни одной сплетни. Можно подумать, праведники к нам идут – земли наши с поклоном просить.

– В твои годы и такая наивность. Первое, что они сделают, придя в наш дом, это убьют всех представителей правящей семьи. А девушек, может, и не тронут. Мало ли, сколько у них с собой шлюх припасено.

Обойдя меня, няня присела на лавочку, неосознанно пригладив обшарпанные доски. Я внимательно следила за её жестами, порой они рассказывали больше, чем слова.

– И всё же Мояла с дитём, да в неизвестность...

– Наверняка Хумъяр уже приготовил себе нору, какую, – попыталась я успокоить старческое сердечко. – У него было на это время.

– Я волнуюсь за неё, – старушка глубоко вздохнула.

– Я тоже, няня, но у неё есть шанс, и она должна им воспользоваться.

– Я сказала ей, что останусь с тобой. Заверила, что сделаю всё, чтобы уберечь, – ия Лунсия отводила взгляд, не верила в свои же слова.

– Правильно, она должна уезжать со спокойным сердцем, – кивнула я.

– Может, и нас пронесёт?! Северяне могут и сжалиться, – слова пожилой женщины заставили меня рассмеяться.

– Ты прекрасно знаешь, милая, на мне род Охрил и оборвётся. Жить мне осталось недолго. Так что не пытайся лгать и сглаживать углы. Я не люблю этого. А Мояла должна жить: она заслужила своё счастье – выстрадала. Я не смогу сомкнуть глаза и спокойно умереть, зная, что эта проклятая долина прибрала и её. Пусть живёт и растит своего ребенка. Надеюсь, князюшка наш сдохнет, где по пути, и умру я счастливо вдовой.

Няня молчала. Я понимала её. Осознавала, насколько тяжело ей слышать мои слова.

– Я мечтала подержать на руках и её, и твоё дитя, – тихо призналась она, – маму твою красавицу Амэрисс с пелёнок вырастила. Вы, мои кровинушки, на моих руках свой первый вдох сделали. Я надеялась, что перед смертью и твоей крошке распашонки раскрою да обережным шитьём украсу.

Опустив взгляд, я уставилась на свои немощные ноги. Я могла родить, да только не от князя Хумъяра. Несколько раз у меня были признаки беременности, но раз за разом мой организм скидывал дитя. Мне не хватало здоровья его вы-

носить, а князь не заботился, чтобы его у меня стало больше. Даже наоборот. Поэтому наш целитель и солгал на свой страх и риск. Меня убереечь хотел.

Зачем?

Никогда этого не понимала. Зачем все так стараются продлить мою никчёмную жизнь? Для чего?

– Не хочу тебя расстраивать, ия Лунсия, но матерью стать мне не суждено.

Я пыталась скрыть свои чувства, но судорожный вздох удержать не смогла. Княгиня не должна показывать слабость даже сидя в инвалидном кресле. Она всегда должна демонстрировать силу своей власти и сдержанность.

Смешно что-то демонстрировать, когда на тебя смотрят, как на сломанную куклу.

С той же жалостью и сожалением.

И сейчас не хотела быть сильной, не желала держать лицо и не демонстрировать в какой я панике.

Я просто мечтала, чтобы этот день, этот момент, длился, как можно дольше, потому как после моя семья в лице Моялы исчезнет, скрывшись на пыльных дорогах в крытой кибитке. А сюда придут захватчики и продемонстрируют кто хозяин в этих землях, убив меня.

Только сейчас поняла, что эта война будет последней для меня. Что не будет, как прежде: пара схваток и разошлись, разорив друг друга.

Не будет переговоров, угона скота, кучи обветшалых бе-

женцев.

Эту войну я не переживу.

Осознание далось мне тяжело. Схватившись за подлокотник, не удержавшись, испугано глянула на нянечку.

– Я останусь здесь с тобой, Амэлла, и слушать твои возражения не стану. Я всё же хочу верить в то, что болтают люди. И постараюсь спасти тебя: если нужно на колени перед ними стану, умолять буду. Но не оставлю тебя им.

– Ты уйдёшь! – зло вскрикнула я. – Уйдёшь с князем и Моялой. Я приказываю тебе!

Старая женщина лишь рассмеялась. Это больно резануло по сердцу, и я, не сдержавшись, всё же расплакалась.

– Не смей надо мной смеяться, слышишь, – сквозь слёзы процедила я, – я приказываю тебе уйти. Я княгиня, наследница этих земель. Я приказываю тебе спастись!

Смех стих.

– Приказывай, доченька, – тихо шепнула моя старушка, – да, только что мне твои приказы. Я с малых лет по этому дому бегала. Моя мама твою бабушку растила. Ты, Амэлла, всё, что есть у меня. Зачем мне спастись, милая моя. Я хочу умереть в том же доме, что и родилась. И рядом с той, что внучкой считаю. Я понимаю, что княгиня ты, Амэлла, но моей любви к тебе это не отменяет.

Стиснув зубы, я смолчала. Мне не нужна была эта жертвенность. Но с другой стороны, ия Лунсия уже, мягко говоря, немолода. Что ждёт её там, за границами нашего княже-

ства? Никто её на работу не возьмёт: возраст уже не тот, а тут, может, и пощадят старуху-то. Если тихо где отсидится.

Взявшись за внешние ободы для вращения колёс, я развернула коляску в сторону семейного склепа.

– Пойдём, погуляем, няня, – негромко позвала я, смирившись с её самоуправством. Да и страшно мне было умирать, когда рядом не одного родного человека. А её, старуху, может и не тронут. Доживет здесь свой век, да и ляжет рядом со мной в могилку.

Если будет она у меня, могилка эта.

Старая женщина тяжело поднялась и, пристроившись рядом с коляской, взялась за её ручки сзади.

– Ноги у меня уже не те, – тихо выдохнула женщина, – уж подержусь за тебя.

Улыбнувшись, я неспешно поехала вперёд.

У нас был чудесный сад. Большой и просторный. Не загромождённый излишними клумбами и кустарниками. Здесь чудесным образом уживались рядом хвойные деревья и низенькие кусты северной айвы. Мы собирали глубокой осенью её плоды и добавляли в травяной чай холодной зимой.

Этот кислый вкус напоминал о лете, солнце и тепле.

Рядом ютилась смородина. Её аромат разносился по саду. Как я любила эту ягоду. Огромные чёрные шары или красные прозрачные бусины, висящие на веточке и переливающиеся на солнце. Потянувшись, я не удержалась и сорвала лист с куста. Чуть помяв его, поднесла к лицу и вдохнула яр-

кий ни с чем не сравнимый аромат. Так пахло счастье.

– Твои вкусы никогда не меняются, – беззаботно проворчала няня, – на тумбе у кровати еловые веточки вместо цветов. В шкафу среди вещей лепестки не роз, а простой смородины.

Я рассмеялась. Да, были у меня такие пристрастия. Мало кто об этом знал, но я не любила цветы. Вернее, предпочитала видеть их живыми на клумбах, чем умерщвлёнными в вазах.

К тому же с этой ягодой у меня было связано столько воспоминаний.

– Крисс очень любила красную смородину, а я чёрную. Мы могли часами спорить, какая вкуснее, – вспомнила я момент из беззаботного детства.

– А в итоге бежали на кухню и как деревенские девчонки – ложками выгребали из бочонка варенье из белой смородины.

Я тихо засмеялась, услышав замечание ия Лунсии. Да это было правдой. Съедали мы в первую очередь именно это варенье. Оно практически никогда не хранилось дольше месяца. Я бы и сейчас его отведала, да на булочке и компотом запивая.

– Ты всё это помнишь? – вздохнув, я поняла, что просто хочу выговориться перед смертью. Вспомнить о прожитом счастье, о радости, о том, что было дорого сердцу. – Знаешь, няня, мне кажется, я стала забывать те дни. Порой возьму в руки книгу и вдруг, как вспышка, позабытое воспоминание

озаряет. Я боюсь, что их лица сотрутся из памяти и совсем у меня ничего не останется.

Свернув на широкую тропинку, мы обогнули ельник и снова вышли к песчаному, местами заросшему рогозом и ирисом берегу озера. Я внимательно посмотрела на свою собеседницу. Она молчала. Словно ушла в мыслях куда-то в прошлое. На её губах скользнула едва различимая улыбка.

Я оставила свою старушку с её мыслями и неспешно покатила инвалидное кресло вперёд. Солнце, несмотря на ветер, довольно сильно припекало. Листва вокруг нас шелестела.

Сбоку раздался плеск воды, и взлетела небольшая птица.

Я наблюдала за этой тайной жизнью нашего сада, словно со стороны. Будто тут, вокруг, кипит жизнь, а моё время замерло.

– Мояла и князь Хумъяр отъезжают через час, – произнесла няня, – вещи погружены. Воины, что будут их сопровождать, уже в седле. Если ты хочешь проститься с Моялой, то нам лучше вернуться.

Я покачала головой.

– Нет, я только причиню ей боль, – откинув голову на спинку кресла, я подставила лицо солнцу.

– Вы всегда были так дружны...

– Вот поэтому, ия Лунсия, мне лучше не берeditь её раны, – невежливо перебила я нянюшку. – Она, наверняка, как и ты, мучается совестью, что бросает меня врагам. Только в отличие от тебя, моя старушка, ей терять есть что. В её

утробе растёт малыш. И я надеюсь, что князя прикончат, где, в подворотне, а она пристроится в какой дом, хоть бы и прислугой. И заживёт, наконец, спокойно, а, может, даже и счастливо.

– Ты стала очень злой, Амэлла, – голос няни излучал недовольство.

Я громко хмыкнула. Подъехав к водной кромке, остановилась. Тут всегда было очень спокойно. Рыбу, конечно, уже давно переловили, но всё же по водной глади скользили водомерки. В воздухе замерла стрекоза, на её тонких крылышках играли блики солнца. Чуть в стороне шумел камыш.

Такое умиротворение.

– Как думаешь, северяне будут хорошими правителями? – я остановила свой взгляд на водяных лилиях. В этом году их было особенно много.

– Всё лучше твоего отца и супруга, – без заискиваний ответила няня. Она никогда не лебезила и говорила прямо как есть. За это старая женщина часто попадала в немилость к князю Хумъяру. Не любил мой всеми проклятый муженёк, когда к нему на равных обращались. Все преклонения ждал. А теперь бежит, как пёс дворовой, поджавши хвост.

– Может, всё же уйдёшь с ними, ия Лунсия, – сорвалось у меня с языка. – Мояле твоя помощь очень нужна будет.

Няня обошла коляску и встала рядом со мной. Здесь не было ни беседки, ни скамейки. Присесть ей было некуда.

– Какая от меня помощь, Амэлла? Я уже стара, как трух-

лявый пень. Мало ей дитя на руках, а ещё и за старухой ухаживай. Я здесь родилась, здесь и помру. И похоронишь меня рядом с матерью моей и бабушкой своей – княжной Олизэ.

– Скорее, это ты похоронишь меня, – невесело выдохнула я, – а потом рядом ляжешь. Всё вместе будем.

– Не говори так, что звери они – подранка добивать. Может, смилостивится.

От дуновения ветра по воде пробежала рябь. Всё вокруг замерло и вновь ожило. Надо мной зависла огромная стрекоза с большой головой и тонким зеленоватым телом. Подняв руку, я выставила палец. Стрекоза сделала пару зигзагов и приземлилась на него.

– Никто не станет проявлять жалость к прямой наследнице этих земель. Они и смотреть не станут: здорова я или изувеченный, сломанный недочеловек. Петлю на шею и со стены вниз. Вот и вся моя судьба.

Стрекоза вспорхнула и умчалась вперёд.

– Я просить буду, – не унималась моя старушка.

– Ты будешь сидеть в какой-нибудь каморке тихо, как мышка, чтобы не заметили тебя. И это приказ, ия Лунсия. Я твоя княгиня и считай, что это последние мои тебе указания.

Повернув голову, я строго глянула на няню. Она молчала, упрямо поджав губы.

– Ты ведь не заставишь меня смотреть, как посмеявшись вдоволь, они убьют тебя на моих глазах, няня, – строго, даже сухо выговорила я. – Достаточно в моей короткой жизни

было смертей родных любимых людей. Не заставляй меня умирать с тяжёлым сердцем. Я, может, и жестока порой, но от тебя хочу видеть милосердие.

Качнув головой, старушка взялась за ручки на моём кресле и, развернув, покатила меня обратно к замку. Она осталась при своём мнении.

Глава 3

Спустившись к замку, мы столкнулись с отъезжающей повозкой, которую сопровождали не больше десяти человек. Они, оседлав последних лошадей, что ещё оставались в конюшне, кучковались чуть поодаль от обоза и заметно перешёптывались.

Хм, маловато у князя оказалось верных и преданных солдат.

С такой «свитой» первые же разбойники пришибут.

Но весь циничный сарказм тут же развеялся, стоило мне увидеть сидящую в повозке Моялу. Заплаканная и растрёпанная, в простом синем платье и выдавшей виды шалью на плечах, она впиалась в меня взглядом и, казалось, была готова выскочить из телеги. В побелевших руках зажат совсем скромный узелок с вещами. Лето на исходе, и глазом моргнуть не успеем, как листва на деревьях желтеть начнёт. А она, считай, без ничего.

Сердце моё сжалось от тоски и страха. Что с ней будет? За что ей такое? Она за всю жизнь слова злого никому не сказала.

Теперь эти десять воинов казались мне жалкой усмешкой судьбы.

Не защитят они никого, а, возможно, за первым поворотом сами же и разграбят княжеский обоз. А пусть и так! Мо-

яла женщина красивая, может, кто из мужчин и возьмёт её себе. Всё лучше, чем любовница при моём муженьке.

Хоть в глаза самой себе смотреть не так стыдно.

Повозка удалялась, а мачеха всё не сводила с меня взгляд. Выдавив из себя улыбку, я махнула ей рукой на прощание, а у самой душа слезами умывалась.

Что будет с ней? Что станет со мной? За что нас так?

– Удачи тебе, – тихо шепнула я, – пусть богиня Лалила укроет тебя своим плащом от бед и горя. Удачи, милая.

Мояла, словно поняв, что я говорю, прижала ладонь к губам и заплакала. Зажмурившись, я отвернулась. Не хочу смотреть на боль родного человека. Не хочу это видеть. Не желаю думать о том, встречу ли ещё хоть один рассвет.

– Пойдём, няня, нужно завершить последние дела, – тихо позвала я старушку Лунсию.

– Какие у нас теперь дела, – выдохнула она как-то обречённо.

– Неужели ты не приготовила себе погребального платья? – попыталась пошутить я, но вышло как-то не очень радостно и оптимистично.

– А я помирать пока не собираюсь, – нахмурилась няня.

– Зато я собираюсь, – вздохнула тяжело и ухватилась за ободы колёс. – Пойдём, подберём мне наряд получше, не хочу, чтобы жители ближайших деревень потом рассказывали, что «безногая» княжна болталась на верёвке в штопаном домашнем платье. Должен же у меня остаться хоть один при-

личный наряд.

Повернув кресло, я поехала к внутренним воротам. Няне ничего не оставалось, как последовать за мной.

– Ты не безногая, – зачем-то проворчала она.

– Я прекрасно знаю, как называют меня за глаза жители деревень, – «безногая княжна», «недоумертвие» и «княжеский обрубок». И это ещё самое безобидное.

Няня сбилась с шага и сдавленно крикнула, чем позабыла меня.

– Откуда ты это только услышала, – проворчала старушка.

– Дети, – я пожалала плечами, – они ведь не понимают, о чём болтают.

Выехав на дорогу, я невольно стала крутить колёса медленнее. Хотелось ещё немного насладиться солнцем, ветром, жизнью.

– Подрезать бы им языки, – Лунсия, начинала злиться, что бывало с ней очень редко.

– Богиня с тобой, няня, – отдёргнула я её, – дети, есть дети. Что слышат, то и болтают. Да и что взять с людей. Они всегда приукрашивают. Не удивлюсь, если в дальних деревнях, вообще, считают меня ходячим умертвием с обрезанными по самую шею конечностями. Слухи они такие, чем дальше разлетаются, тем меньше походят на правду.

Вздыхнув, ия Лунсия не стала мне перечить. Она всегда так поступала, когда была несогласная с доводами других. Просто прерывала разговор. Многих это раздражало. Они

считали такое поведение высокомерным. Я же полагала, что прожившая жизнь женщина просто не желала конфликтов. В этом она была права. Порой я замечала, что копирую этот её стиль поведения.

Молчание порою лучше споров и ссор.

Проехав через ворота, я с удивлением отметила некоторое оживление. Оставшийся в замке люд спешно разворачивал то, что не уволок с собой князь. Возмутившись, я хотела уже, было, прекратить этот бедлам, но передумала. Да, конечно, мародёрство людей не красит, но с другой стороны, не возьмут они – достанется всё захватчикам.

Вытащив из кармашка на поясе ключи, я поискала взглядом женщин с кухни: на глаза мне попалась малышка Воята. Заметь меня, она остановилась и виновато опустила взгляд на землю. В руках девочка сжимала небольшой пустой чугунок.

– Подойди, – приказала я.

Девочка, дёрнувшись, быстро подбежала и зажалась, словно ожидая, что ее будут ругать. Может и стоило, да чего уж. Время такое.

– Отдай это незаметно бабушке, – я протянула ей связку. – Скажи, что я позволила ей и женщинам из прислуги взять всё, что им нужно. Всё! Ты меня поняла, Воята?

Малышка быстрым движением взяла у меня из рук ключи и спрятала их за пазуху.

– Я поняла, княжна, – шепнула она. – Вы не обижаетесь?

Северяне, говорят, уже на подходе. Их видели совсем недавно. Здоровые, злющие, как звери.

Ребёнок. Милосердная Лалила, пусть наши захватчики не окажутся насильниками. Чугунки они воруют, бежать нужно и детей прятать.

Дурачье, какое же они жадное дурачье!

– Беги, милая, – я как можно теплее улыбнулась ребёнку, – и когда придут захватчики, спрячься понадёжнее, где, в погребе. Считай, что это мой тебе приказ.

– Да, княжна, – Воята быстро закивала, – я буду прятаться.

– Молодец, ты очень хорошая девочка. Ну, беги к бабушке и набери себе хорошего приданого.

Кареглазая малышка улыбнулась. На её ещё по-детски пухлых щёчках обозначились милые ямочки. Красивой она девушкой вырастит. Главное, чтобы дали ей повзрослеть, не сгубили прежде.

Воята шустро убежала, скрывшись в доме.

– Думаешь, правильно это? Дать им возможность разграбить тут всё? – в голосе няни звучало неодобрение.

– Пусть лучше всё добро достанется им, а не северянам, – обозначила я причину своего поступка. – Им нужнее, ия Лунсия.

В замок мы вошли беспрепятственно.

Наших воинов и след простыл. Слуги метались по помещениям, пытаясь утащить всё, что не прибито намертво к стенам, полу и потолку. Прямо на моих глазах сворачивали

пыльные половички, пытались снять трофейные рога с колонны.

– А они-то им зачем? – подивилась я.

– Сейчас их этот вопрос мало интересует, потом придумают им применение, – зло процедила нянечка.

– Люди, такие люди!

Ия Лунсия что-то неслышно проворчала себе под нос и осторожно помогла мне свернуть в нужный коридор. Что удивительно – двери в мою спальню, расположенную на первом этаже рядом с гостиной, оказались запертыми. То ли слуги проявили ко мне должное уважение, то ли решили, что у меня всё равно брать нечего.

Скорее всего, второе.

Что им там брать: ни платьев нарядных, ни драгоценностей. Всё сокровище – мамин лёгкий плащ, подбитый белоснежным мехом. Я сохранила его как память. Не носила, всё берегла.

Ухмыльнувшись, отворила двери и въехала в спальню. Никто не знал, когда до нас дойдёт войско северян, но раз князь так спешно освободил им замок, значит, они уже на подходе.

Эта мысль леденила душу, но я предпочла не поддаваться панике. Самое страшное в жизни я пережила десять лет назад. А сейчас, будь что будет.

Но всё же, если есть возможность подготовиться к предстоящей встрече, так чего бы ни принарядиться.

– Няня, помоги мне переодеться.

Старушка поморщилась и не сдвинулась с места.

– Ия Лунсия, – вопросительно подняв бровь, я глянула на неё, готовая услышать веские протесты. Но она молчала, словно в рот воды набрала, и неотрывно смотрела в окно.

Пожав плечами, я забралась в шкаф и вынула мамин плащ.

– Помирать так красивой, – невесело пробормотала я.

Няня не двигалась, замерла как истукан, и это меня встревожило.

– Ия Лунсия?! – она дёрнулась.

Её руки задрожали. Испугавшись, я бросила плащ на колени и подъехала к женщине.

– Няня? Тебе плохо?

– Всё будет хорошо, моя девочка, – прошептала она упавшим голосом, – нужно верить в хорошее.

Обернувшись, я уставилась в окно.

Северяне!

Могучие воины, облачённые в чёрные кафтаны, восседая на огромных жеребцах, не таясь, заезжали во внутренний двор замка. Словно знали, что теперь хозяева здесь они.

Вот так. Сжав подлокотник, я собрала остатки своей храбрости и отправилась на выход.

– Куда ты, Амэлла? – голос няни был полон слёз.

– Встречать гостей, – я пожала плечами, – я всё ещё здесь княжна.

Глупо, конечно, я это понимала.

Какая из меня княжна?

Калека, прикованная к креслу, но всё же таиться и прятаться в погребё, продлевая агонию, предвещающую смерть, я не хотела. Боялась, потому как нет ничего в этой жизни страшнее неведенья.

Выехав в коридор, успела добраться до гостиной, когда дверь отворилась, и вошли высокие воины. Они резко отличались от наших солдат. Рослые, широкоплечие, со странным серым оттенком кожи. Длинные пепельные волосы различных оттенков, собраны в высокие хвосты. Были среди них и темноволосые мужчины, почти как южане, только крупнее. Я растерянно переводила взгляд с одного на другого, пока, наконец, не увидела их командира.

Красивый молодой мужчина с высокомерной мальчишечьей ухмылкой осматривался, словно решая, хороший подарок ему преподнесли или нет. Меня они словно не замечали. Черноволосый северянин прошёлся по комнате, вальяжно уселся в княжеское кресло с удобной высокой спинкой и, довольно захохотав, ударил в ладоши.

– Ну и где все крепостные крысы?! – весело спросил он у всех разом. Мужчины хохотнули в ответ и разошлись, оставив его одного. Я замерла, чувствуя, как бледнею. Не дыша, всматривалась в того, кто станет моим палачом. Не похож он был на убийцу: в ярких светло карих глазах горел озорной огонёк веселья. На тонких губах милая улыбка. Словно

мальчишка. Но этот образ растаял, стоило ему повернуть голову в мою сторону.

Беззаботное выражение исчезло, заменив собою пренебрежение и даже брезгливость.

– Безногая княжна я так понимаю?! – выдал он приветствие на свой лад. – Ну, не так страшна, как описывали, но, да, на свежее умертвие потянешь.

Опустив взгляд, я уставилась на мамин плащ, отчего-то его слова ранили, и захотелось возразить, только слов не находилось.

– Ммм, – протянул он, – может, правда, полуумертвие? Говорить умеешь?

Я слабо кивнула. А самой стало стыдно за себя. Сижу тут и трясусь, как заяц. Не подобает мне себя так вести. Я должна быть сдержанной и холодной, держать лицо и не позволять унижать себя. Так полагалась вести себя женщинам рода Охрил. Только сейчас не осталось во мне сил надеть маску княжны. Я испытывала лишь страх, и жгучее желание сбежать от этого мужчины.

Несмело подняв взгляд, встретила с его мягкими светлыми медовыми очами, словно подведёнными угольком. Наверное, это был самый красивый мужчина из всех мною виденных.

В комнату возвращались воины, волоча за собой слуг: тех, кто не успел спрятаться. Среди них была няня, кухарка Роя, её внучка Воята всё с тем же котелком в руках.

– Не трогайте девочку, пожалуйста, – вырвалось у меня. –
Пощадите детей.

Мужчина засмеялся. Его лицо стало беззаботным и даже до противного счастливым.

– О! Княжеское умертвие всё же может голосить.

Услышав такое, немногочисленные невезучие обитатели замка опустили головы. Их поставили в центре комнаты. Я не понимала, что будут делать с ними воины, но ситуация мне не нравилась. Совсем.

– Итак, теперь здесь хозяин я, – темноволосый красавец – северянин поднялся и обошёл слуг по кругу, давя на них своей тяжёлой аурой. – Моё имя гер Каил. Обращаться ко мне только так и никак иначе. Ясно?

Естественно, ему никто не ответил. Все были напуганы настолько, что готовы были в обморок упасть.

– Я задал вопрос, вы разве его не расслышали? – северянин, что назвался гер Каилом, повысил голос. – Я спрашиваю, вам ясно?! – гаркнул он, теряя терпение.

– У нас не принято отвечать на вопросы князя, – выпалила я, пытаюсь их защитить.

Мужчина обернулся ко мне и оскалился в жуткой улыбке.

– Ну, а тебе, калека, понятно, что я сказал?

Такое оскорбительное обращение я вынуждено проглотила.

– Да, гер Каил, мне всё предельно понятно, – отчеканила я дрожащим от страха голосом.

– Понятливая значит, – хмыкнул он. – Ну, раз такая сообразительная, то милости просим к остальной прислуге.

Глава 4

И это оскорбление я предпочла не заметить. Гер жестом руки пригласил присоединиться к толпе. И я незамедлительно подъехала к тем, кого, возможно, всё ещё могла защитить.

– Замечательно, – северянин снова довольно хлопнул в ладоши; звук вышел таким громким, что я моргнула. – Раз уж мы всё тут в сборе, то позвольте узнать, княжна, где же ваш супруг?

Гер развалился в огромном кресле и закинул ногу на ногу. Он так выжидательно смотрел, так нервировал и подавлял, что у меня во рту пересохло. Я словно физически ощущала, как нечто мягко касается моей головы, и пытается проникнуть в сознание.

Резко моргнув, передёрнула плечами, отгоняя наваждение. Наши взгляды встретились, и северянин улыбнулся. На краткое мгновение маска завоевателя и грубого неотёсанного деспота спала, и на меня по-доброму посмотрел красивый обаятельный мужчина.

– Он уехал, – менее уверенно ответила я.

Гер нахмурился, и прежняя маска вернулась на место, а может и привиделось мне.

– Это я вижу и без вас. Тогда уточним, куда он уехал? – глаза мужчины странно засветились, вводя в лёгкий транс. Снова ощутив это мысленное давление, я сжала голову ру-

ками, пытаясь сохранить ясность мысли.

– Я не знаю куда, гер Каил, князь мне не сообщал, – честно ответила я.

Мужчина понятливо хмыкнул и внимательно осмотрел меня с головы до ног, прикрытых покрывалом. От такого откровенного оценивающего взгляда мне стало не по себе.

– И чего же вас с собой не взял? – с милейшей улыбкой поинтересовался он. От такого вопроса мне стало не по себе. Кажется, северянин издевался и даже не пытался это как-то скрыть. Нагло веселился за мой счёт. А то ему неясно, для чего меня тут оставили?!

– Не могу быстро бежать, – чётко произнесла я в ответ.

Злость во мне разрослась до такой степени, что приглушила чувство страха. Мужчина шутку оценил и даже посмеялся, за спиной я тоже различила смешки. Что же это за воины такие, доблестные, что веселятся, издеваясь над женщиной калеккой.

– Можно подумать, вы бы стали тратить время, будь я вашей супругой – сухо процедила я, наверное, презрение отразилось на моём лице, потому как гер смеяться прекратил.

– Будь ты моей, милая девочка, я тебя на себе унёс и никогда бы не допустил, чтобы моя женщина досталась врагу, – чётко, даже как-то грубовато произнёс он.

– Что же, жаль, что я не ваша супруга, – глухо процедила я и, сжав в ладонях ободы колёс, уставилась на колонну, с которой недавно стащили рога.

В комнате воцарилась тишина. Мужчина молчал и, не отрываясь, смотрел мне в глаза. Я пыталась не замечать этого, рассматривала пол, потолок, камин, но постоянно мой взгляд натывался на горящие жёлтым огоньком очи моего палача. И ведь не поймёшь, о чём он думает.

От переживаний моя спина заныла. Поёрзав, я попыталась принять более комфортную позу. Это не укрылось от него. Подавшись вперёд, он легонько сжал подлокотники княжеского кресла.

– Хорошо, вернёмся к главному вопросу, – он кивнул, соглашаясь со своими мыслями, – допустим, княжна не знает, в какую сторону удрал её супруг. Я понимаю для чего вы здесь, хотя не одобряю такой подлости. Но чтобы слуги не знали? – он обвёл взглядом присутствующих. – Ну, так, где князюшка ваш? Мне очень нужно его мёртвое тело. Неуютно без такого украшения на крепостных стенах.

Поняв, что северянин желает видеть тела, я испугалась за Моялу. Она ведь носит под сердцем наследника.

– Вам меня мало, гер Каил? – натурально взмолилась, сжимая в руках металлические ободы так, что они врезались в ладони. – Я единственная законная наследница княжества Туманов. Род Охрил прервётся с моей смертью.

У меня от страха в этот момент вспотели затылок. И переживала я вовсе не за себя. Мояла! Она не заслужила смерти, но, если найдут моего муженька, не пожалеют и его беременную любовницу.

Северянин, обдумывая услышанное, снова попытался поймать мой взгляд, словно увидел в моих глазах нечто для себя занятное. Это, казалось, уже странным, такое пристальное внимание. Моргнув, я уставилась на пол, ещё какой-то час назад здесь был половичек с цветным узором.

– Беда в том, моя храбрая и ранимая княжна Амэлла, что женщина у северян властью наделена быть не может. Удел женщины – любить своего мужчину и рожать ему детей, желательно дочерей. Так что лучше вам сейчас хорошо призадуматься и сообщить мне, куда мог отправиться ваш муж. Я его всё равно найду, но предпочитаю не терять на это время. Я есть хочу и отдохнуть, а вы стоите между мной и тарелкой с мясом. Куда отбыл ваш супруг?

– Я не знаю, – грубо выдохнула я, теряя самообладание.

– Ну, хорошо, верю. Не знаете, значит, буду знакомиться ближе с вашими слугами. Вы хорошая княжна, вия? Кого вам не жаль? С кого мне начать?

Дёрнувшись, я лишь стиснула зубы.

– Никто из присутствующих не знает, куда отправился мой супруг. Не трогайте людей, слышите. Никто ничего не знает.

Мужчина встал и прошёлся по комнате, остановившись у камина, поднял с полки небольшую статуэтку лошади. Как только её не заметили мародёрствующие слуги. Покрутив глиняную игрушку в руках, гер поставил её на место и обернулся ко мне.

– Я всё ещё жду ответ, княжна? – услышала я от него. – Вы начинаете действительно меня злить.

– Я не знаю, – уже с долей злости произнесла я.

– Верю, – даже как-то снисходительно проворчал он, – тогда ваши предположения. Здесь слишком много дорог, чтобы я рыскал по всему княжеству. Да и не хочу я, лень мне.

– Ваши проблемы – не моя беда, – огрызнулась я.

– Не дерзи мне, женщина, иначе я вырву тебе ноги, – рыкнул он.

– Больно мне не будет, не переживайте, – вырвалось у меня прежде, чем я прикусила язык.

На моё плечо опустилась сухая старческая рука. Няня!

Вздвогнув от этого прикосновения, опустила взгляд на пол и прикусила губу. Я вела себя неправильно и только что осознала это. Я нарывалась на гнев северянина.

– Как интересно, – заинтересованного произнёс гер. – Ну, а ты, старуха, может, расскажешь мне, где искать вашего правителя?

Прикрыв глаза, я не посмела запретить отвечать ия Лунсии. Молчание может слишком дорого стоить.

– Князь Хумьяр отличался излишней подозрительностью, поэтому по дому не ходило разговоров о том, когда и куда он собирается отбыть, – вежливо с долей почтения произнесла она.

– Хорошо, тогда я спрошу по-другому. Когда отбыл ваш князь?

В комнате повисло молчание. Это был плохой вопрос. С момента отъезда Хумьяра и часа ещё не прошло. Да, они наверняка уже где-нибудь на второстепенной дороге, но уехать далеко точно не успели.

– Я задал вопрос, мне по плохому развязать ваши языки? – устало проворчал мужчина.

Никто не произнёс ни звука. Слуги любили Моялу, и никто не хотел становиться ее палачом.

– Так верны князю? – у северянина даже бровь приподнялась, столько иронии во взгляде.

– Не князю, гер, – тихо выдохнула няня, – с ним отбыла вдова Руско, ия Мояла.

Гер Каил прищурился и склонил голову набок.

– То есть законную супругу он бросил мне, как кость, а любовницу прихватил. Ну и нравы же у вас.

Наверное, именно эта его фраза окончательно меня раздавила. Я действительно была брошена здесь, как кость захватчикам: чтобы убили меня и успокоились. Такой мерзко никчёмной я себя никогда не чувствовала.

Мною даже враги побрезговали.

– Княжна, – рыкнул гер, но я лишь качнула головой. – Когда отбыл ваш супруг?

– Я не скажу. Убивайте меня, не трогайте мачеху.

В комнате после моих слов стало снова тихо. Гер прошёлся до центра комнаты, а потом присел на корточки и поминал к себе Вояту. Девочка неуверенно помялась, но пошла

к мужчине.

– Скажи-ка мне, – северянин ухватил ребёнка за подбородок и заставил смотреть себе в глаза, – а когда князь уехал?

Воята растерянно моргнула и попыталась отвернуться, но гер не дал.

– Отвечай, – строго приказал он.

– Утром, – проямлила малышка.

Мужчина резко скривился, словно съел что-то несвежее.

– А ты знаешь, что за враньё язык отрезают даже таким маленьким девочкам, как ты. Не хочешь говорить правду – молчи, но врать взрослым некрасиво.

Воята дрогнула и расплакалась. Во мне всё перевернулось. Я не могла ответить на его вопрос и подставить Моялу, но и смотреть на слёзы ребёнка тоже было тяжело.

– Я скажу всё, что вы хотите, только пообещайте не трогать вдову князя Руско, – тихо шепнула я.

Гер поднялся и легонько подтолкнул плачущую Вояту обратно к бабушке.

– Не смей ставить мне условия, женщина. Мне плевать на твои физические недостатки, накажу как здоровую. Таких розог всыплю за дерзость, неделю сидеть не сможешь.

Его слова вопреки логике меня успокоили. Он не сказал, что убьёт. Накажет, только и всего. В моей душе тихонько шевельнулась надежда.

– Я не ставлю условий, гер Каил, всего лишь прошу, – примирительно шепнула я.

Этот мужчина вёл себя странно. Как-то по-дурацки, что ли? Нелепо, неадекватно, не по-княжески.

Вроде и видно, что не простой смертный, но настроение его менялось мгновенно. Никакой выдержки, маски хладнокровия и вселенской скуки.

Вроде и жёсток, но в то же время мягок. Ведь не убивают, не насилуют они нас. Не выбивают ответы кнутом.

Строг, но хохочет со своими воинами.

Странный, неоднозначный, пугающе раздражающий тип.

– Ммм, меня просит безногая княжна, – словно прочитав мои мысли, он расплылся в озорной улыбке. – Это, наверное, дорогого стоит?!

Я ошетибилась, и оскорбление просто так спустить уже не смогла.

– Вам нравится унижать женщин, гер Каил? – вырвались у меня необдуманные слова.

Няня дёрнула меня за плечо, но поздно. Сказанного не воротишь.

– Не совсем, княжна Амэлла, мне нравится ставить людей в неловкое положение, в некомфортную для них ситуацию и смотреть, как они будут себя вести. К слову, вы держитесь молодцом. Восхитительная выдержка.

Я прикусила язык в буквальном смысле: если это был комплемент, то весьма странным. В голове у меня царило такое смятение. И постоянно всплывал только один вопрос, который я решила озвучить.

– Вы меня убьёте? – слова легко сорвались с моих губ.

Мужчина, казалось, слегка удивился и нахмурился.

– Не знаю, – он улыбнулся и подмигнул в издевательской манере, – ещё не решил. Может, убью, или в темнице запру, а, возможно, заберу ваше кресло и заставлю ползать. Вы верите, что я способен на такое?

– Вы себе не противны? – вспыхнула я.

– Амэлла, – шепнула няня.

– Вы прекрасны, княжна. Столько эмоций: живых, неподдельных. Можно даже и забыть, что калека. Умертвием вас поспешили назвать. Может, и правда, проверим, насколько вы действительно ущербны.

Тяжело вздохнув, я пыталась сдержаться. Всю жизнь молчала, а тут словно что-то прорвало во мне.

– Амэлла, тихо, – шепнула нянечка.

Но мне было всё равно: раз решили убить, так пусть, но зачем же пинать и издеваться. Сжав зубы, я окатила этого северянина таким презрительным взглядом, который ни мой отец, ни супруг не выдвигали.

– Осторожно, княжна, – шикнул на меня гер Каил, – я могу и оскорбиться. А это очень плохо отразится на вас и ваших слугах.

Он подобрал верные слова, дёрнув за ту струну в душе, которая ранила больше всего. Я не желала, чтобы кто-то из жителей замка умирал, тем более из-за моей несдержанности. Северянин снова уселся в княжеское кресло и задумчи-

во глянул на своих солдат.

– Поесть бы, – протянул он. – Риган, а кто у нас тут кухарка?

Из-за наших спин вышел странный донельзя мужчина. Вид у него был внушительно нелепый. Воин и определено очень сильный, и фигура мощная и клинками обвешан, но его лицо смешно. Рыжие волосы, словно морковка, и беле-ые глаза. Заметя моё внимание, воин моргнул и глянул на меня уже синими яркими очами.

Я на мгновение смутилась в недоумении. Хлопнула ресницами и снова посмотрела в лицо этого Ригана – зелёные глаза! Как так-то! Видимо, чтобы добить окончательно, волосы мужчины вдруг потемнели: вот прямо от корней и до кончиков. Рыжины как не бывало.

При этом воин явно веселился, глядя на наши растерянные лица.

– Ну, онгер, какая из них сейчас побежит собирать мне на стол? – поинтересовался гер Каил.

– Вот эта, – уже черноволосый воин указал пальцем на кухарку Рою.

Женщина, поняв, что речь идёт о ней, вцепилась за свою внучку мёртвой хваткой. Я молчала, глядя, как развиваются события; отчего-то казалось, что попроси я сейчас за эту женщину и её девочку, мужчина из вредности разлучит их. Поэтому отвернувшись, я сделала вид, что меня интересует картина, висящая над камином за спиной вредного северя-

нина.

– Иди на кухню, и чтобы через пару минут передо мной стоял поднос с едой, – приказал гер и глянул на меня.

Я не шевелилась.

– Позвольте мне взять с собой внучку, – пролепетала Роя.

Я никогда не слышала, чтобы эта довольно рослая и упитанная женщина так умоляюще шептала.

– Нет, – гер ухмыльнулся, не сводя с меня взгляда, – девочка останется с нами.

Воята тихо заплакала и вцепилась в подол бабушки. Это оказалось выше моих сил.

– Довольно, гер Каил! – рявкнула я и почувствовала, как по щеке скатывается слеза. – Вам освободили замок, сдали земли, бросили для развлечения меня. Что вам ещё нужно? Что вы над ребёнком издеваетесь! Зачем? Что вы за зверь такой?!

– Амэлла, – взмолилась няня, но меня понесло, нервы сдали. Слезы градом покатились из глаз. Да и всё равно уже.

– Что, Амэлла? – я скинула руку няни с плеча и, ухватившись за ободы на колёсах, направила инвалидное кресло к наглому жестокому северянину. – Хотите развлечься, так устройте мою публичную казнь. Но что вы за тварь такая, что ребёнка до слёз доводите!

– Молчать! – рявкнул мужчина и нагнулся вперёд. – Я пробовал по-хорошему, сказала бы то, что я хочу знать, всё уже закончилось.

– Да с чего мне тебе, наглая твоя рожа, что-то говорить?! – зашипела я. – С чего я должна сдавать любимого человека тебе на милость?

– Твой муженёк... – начал было гер, но я засмеялась, обрывая его на полуслове.

– Да, пусть того муженька вздёрнут на первой крепкой ветке на дороге. Я ведь попросила за свою мачеху. За женщину, что зла никому не делала, – я уже просто рычала, срываясь на рыдания.

– Убери эту сырость со своего лица, – в приказном тоне заявил он.

– Да, катись ты в туманную бездну, – чётко выговорила я и умолкла.

В комнате снова стало тихо.

Глава 5

Гер Кайл смотрел на меня в упор, не мигая. В его светлых ореховых таких необычных очах разгорался яркий жёлтый огонёк, увеличиваясь в размере. И привидеться мне это не могло.

Чем дольше продолжались наши гляделки, тем серьёзнее становилось выражение лица северянина. Пропала пакостная ухмылка, он стал выглядеть старше и суровее. Вот теперь я видела перед собой завоевателя: грозного, сильного, умного.

Моргнув, я вдруг поняла, что не могу отвести от него взгляда. Этот огонёк пульсировал и вводил меня в транс, подчиняя и отчего-то обещая некую безопасность.

Такие нелепые чувства.

Но мой страх вдруг исчез. Мысли о скорой смерти стали смехотворными.

Слегка дёрнув головой, гер подался вперёд. С его лица словно маска сошла. Более того, мне показалось, что оно подёрнулось некой дымкой, что совсем уже не вязалось с реальностью. Мужчина будто обращался в туман. За моей спиной слышались настороженные шепотки прислуги.

– Что ты сказала? – тихо, но жёстко проговорил он. – А ну-ка повтори!

Я молчала, не решаясь произнести те дерзкие слова, что

вырвались у меня необдуманно. Я играла с огнём, нарываясь на гнев того, кто был в силе и вправе свернуть мне шею. Прямо вот на этом месте.

Моя злость окончательно растворилась, снова давая возможность страху выйти на первый план.

Огонёк в глазах северянина погас.

– Я сказал повторить, – столько гнева звенело в его голосе.

Сжав подлокотники, он подался ко мне. Его лицо действительно расплылось и покрылось тончайшим туманом, который сглаживал черты и обращал его в нелюдя.

На меня смотрело странное существо, которое вроде и было человеком, но только... У меня слов не находилось, описать то, что я видела. Мысли спотыкались одна о другую. Этот мужчина был соткан из тумана.

Снова поймав мой испуганный взгляд, грозный северянин подался вперёд и рявкнул так, что в ушах зазвенело.

– Раз открыла рот, так отвечай за свои слова, княжна!

За моей спиной началась паника.

Женщины испугались и заверещали, теряя самообладание. Гер подскочил, вернее, взвился тяжёлой дымкой, снова приобретая человеческие очертания. Он, казалось, разума решил.

Лютый зверь – не человек.

Я попыталась быстро убраться со своим креслом у него с дороги, вышел этот мой манёвр крайне неудачно. Мужчина обошёл препятствие, но подавшись панике, я слишком силь-

но дёрнула колесо. И задела северянина спинкой кресла. Он его поймал и крутанул, отодвигая в сторону. Я была перепугана и слишком поздно сообразила, что он просто помогает. И, вместо того чтобы остановиться, вцепилась в обод колеса и попробовала отъехать чуть дальше, полагая, что это как-то защитит меня от гнева оскорблённого импульсивного мужчины. При этом я совсем не смотрела, куда еду: колесо зацепилось о ножку столика, кресло качнулось и, к моему ужасу, завалилось набок вместе со мной.

Во всеобщей панике никто не заметил падения.

Я же, оказавшись внезапно на полу, глупо застонала, ощутив, как резкой оглушающей болью отозвалась моя рана на спине. Решив попробовать отползти, я потянула лежавшее на боку кресло в попытке его поставить, но оно оказалось слишком тяжело для меня. Вместо того чтобы его поднять, я завалила его на себя, да так, что подлокотник врезался в поясницу, принеся мне дополнительную боль.

Растянувшись на животе, я замерла, придавленная своим же инвалидным креслом. Нужно было подниматься, но болезненный огонь в спине был настолько силён, что дышать стало сложно.

– Да закройте вы рты! – рявкнул северянин. – Хотел бы, всех тут перевешал. Риган, тащи повариху с её соплячкой на кухню, я уже неделю толком не ел. Мясо мне и побольше. Тревс, отыщи тех, кто готовил на казарменной кухне, и, вообще, вытаскивайте всех крыс из их укрытий. Чтобы через

два часа все наши были сыты и размещены по комнатам. Ты, старуха, – я услышала громкие шаги, – ты скажешь мне, когда и куда отбыл князь, или я добыю вашу княжну. Ей и так сейчас больно, поверь. Мне показалось, она тебе дорога, так облегчи её участь. Ты скажешь?

Тишина.

– Да, гер – голос няни казался глухим и испуганным.

Зажмурившись, наверное, я впервые в жизни призвала тьму, что клубилась во мне, и укутала в неё свою душу, отодвигая боль и страх от разума, освобождая себя от этих чувств. Мне стало так холодно, мир в миг окрасился в серые безжизненные тона, утягивая меня в бездну отчаянья. Но боль стихла, растворившись и отпустив моё тело.

Где-то там северный князь продолжал допрашивать ию Лунсию.

– Ну и? – поторопил с ответом мужчина.

– Они отбыли примерно час назад, – выдавила из себя пожилая женщина.

– Куда? В какую сторону? – его голос звенел в моей голове.

Поняв, что сейчас старушка выдаст направление, по которому уехала Мояла, я собрала остатки сил и, преодолевая тьму и боль, выдохнула:

– Молчи, няня. Он всё равно меня убьёт, слышишь. Никто не оставляет наследников в живых. Это просто игра. Забава. Не смей ему отвечать.

Грохот, словно что-то развалилось на части. Чуть повернув голову, я поняла, что это гер ударом проломил полку камина. Сколько же силы в нём.

– Не говори, – снова выдохнула я, – он всё равно убьёт.

– Да, нужна ты мне? – взревел он. – Я ещё об баб не марался. Что я зверь и без того искалеченную добивать?! Так что поднимайся, нечего на полу валяться. Не такая ты уж и немощная. Гонору хоть отбавляй!

Он прошёлся вперёд, и я чётко расслышала, как стучат по деревянному полу низкие каблуки его сапог.

– А теперь конкретно и по делу, когда и куда укатил ваш князь, чтобы ему с умертвиями сношаться? Отвечай мне, старуха, иначе я спрошу по-плохому, – раздалось гневное от северянина. – Могу спросить так, что слюни остаток жизни на платье пускать будешь.

– Ия Мояла хорошая женщина... – пролепетала няня.

Северянин зарычал, выплёскивая всю свою злость. Сглотнув, я притихла.

– Да, плевал я на вдову, – натурально взвыл он, – мне нужен князь. Мне нужен труп этого убогого. Лучше сама говори, старуха, мне эти игры уже разонравились. Вы меня вывели так, как никто до вас!

– Юго-западный тракт, – шепнула испуганно ия Лунсия, – не трогайте только нашу Моялу.

– Зачем?! – мой голос хрипел от боли. – Ты погубила нас обеих.

Снова громкий топот сапог. Северянин, словно зверь, метался по комнате.

– До чего же я ненавижу упёртых баб, – прошипел он надомной. – Ты им одно, а они в своё: упрутся, и хоть дрын о них чеши. Вы, княжна, не умертвие, напротив, я такую несговорчивую, упрямую, толстокожую особу впервые вижу. И хватит фонтанировать тьмой, я слышу отголоски вашей боли. Так что признайтесь, что вам там на полу неудобно, и попросите у меня помощи.

– Не дождёшься, – процедила уязвлённо я, и, зажмурившись, прекратила все попытки подняться. Кресло сильно давило на рану, причиняя мне физическую боль, а понимание, что совсем скоро поймают родного мне человека и вздёрнут, потому как в утробе развивается ребенок – наследник этих земель, раздавило меня окончательно. Я замерла и сдалась.

Душу наполнял то страх, то злость на этого мужчину, то на няню, то на весь мир разом.

Я словно очнулась ото сна, в котором пребывала последние десять лет, и осознала себя живой.

В комнате какое-то время было тихо. Затем гер тяжело уселся в княжеское кресло и громко выдохнул:

– Пошли всё вон!

В помещении оживились. Возня нарастала. До меня доносились звуки шаркающих по полу ног. Кто-то вскрикнул. Сжавшись, я всё-таки попыталась встать. Но, как только, оперевшись на локти, приподнялась – тело скрутило такой

оглушающей болью, что я подавилась дыханием и выпустила тьму.

Моё сознание на мгновение померкло.

Хотя, возможно, мне показалось, что прошла всего пара секунд, потому как придя в себя, поняла, что обстановка вокруг меня сильно изменилась.

Снова было тихо. Вообще, ни шороха. Людей явно вывели, а про меня, похоже, или забыли, или оставили тут, чтобы добить. Или, возможно, унижить: заставить ползти и умолять о помощи.

Это было так похоже на мужчин.

Я лежала и не шевелилась, боясь даже вдох глубокий сделать. Боль замерла, растворившись во тьме, что смертельным холодом пронизывала кожу и леденила кровь, медленно останавливая сердцебиение. Я знала, что будет, если я не возьму над ней контроль.

Знала!

Как княжна этих земель, я не раз слышала рассказы, как здоровые люди, не владеющие даром, оцарапавшись в тумане, постепенно превращались в умертвие. Иногда они возвращались в дом. И не подозревая, приносили в себе смертельную магию тумана. Родные даже не понимали порой, что их горячо любимый муж, сын, отец не просто болен, а уже мёртв. И только когда, окончательно утратив связь со своим разумом, заражённый начинал убивать, всё становилось на свои места. Но, как правило, было уже поздно.

Для всех поздно.

Потому как мёртвый желал только одного – убивать.

Будучи сильным магом целителем в прошлом, я справлялась с тем, что жило внутри меня. Подавляла тьму. Но не сейчас. Сил не осталось.

Прошло ещё немного времени, и я услышала, как рядом кто-то встал. Хотя я прекрасно осознала, кто это.

Тихий скрип, и моё кресло с грохотом встало на колёса. Мне мгновенно стало легче дышать, но боль всё равно была настолько сильна, что поясница буквально горела огнём.

– Гордость, – тихо проворчал северянин. – Ты, княжна, не в том положении, чтобы дерзить мне. Запомни на будущее – вардам и герам не грубят. Учись почтению и будь сдержанней. И доживёшь до глубокой старости. А сейчас просто прикрой меня своим, пусть будет, князем и попроси о помощи.

– Не дождёшься, – прошипела я, чувствуя, как глаза застилают слёзы.

– Я через тьму, что окутывает тебя, даже чувств твоих не слышу. Ты хоть осознаёшь, насколько опасно её так отпустить.

– Я прекрасно понимаю, что делаю, – мой голос дрогнул от непролитых слёз.

– Гордость, – повторил он, – откуда только в тебе её столько? Всего-то нужно сказать: «Помогите, гер», но ведь не скажешь, да?

– Нет, – одними губами ответила я.

– Ну и дурная, лежи раз нравиться. Больно тебе, пожалуй?

– Оставьте меня, – на выдохе шепнула я.

– Глупая женщина – это беда, глупая гордая женщина – это уже бедствие.

Я слышала, что он говорит, но испытывая такую муку, не улавливала суть его слов, отгоняя их от себя. Стараясь не шевелиться, лишь пропускала воздух в лёгкие и до боли прикусывала губу, чтобы не застонать в голос.

Минуты тянулись бесконечно долго.

В комнату вошёл кто-то из мужчин. Они обсуждали состояние казарм, конюшен, ещё чего-то, совсем не обращая внимания на меня. Я же слышала их речь с ярким акцентом: они словно намерено тянули гласные.

Снова глухой звук шагов и стук подноса о столешницу. Звон фарфоровых тарелок.

– Быстро, надеюсь, ядом не посыпано, – хмыкнул гер, обращаясь к кому-то. Я же уловила запах жареного мяса. – Иди на кухню. Если мне понравится твоя стряпня – останешься при своей работе, если нет – отправлю в свинарник кормить поросят.

– Княжна... – шепнула Роя.

– Я сказал, пошла вон, – рявкнул северянин.

Поднос снова тихо стукнул о деревянную поверхность стола, и кухарка вышла, тяжело шаркая ногами. Наверное, мне стоило сейчас обрадоваться, что никого не тронули, не изнасиловали, и не убили. Но внутри меня словно что-то

сломалось.

Я чувствовала только боль и ничего более. При этом не понимала, что меня терзает больше: душевные муки или физические. Один тиран сменился другим, и терпеть снова днями, неделями, годами будет только унижение, стыд, страх.

Я оказалась к этому не готова.

Лучше бы вздёрнул и всё.

– Ты там долго будешь изображать умирающую, княжна? У меня уже терпение на исходе. Я видел, как ты падала: там у тебя максимум ушиб от подлокотника твоего кресла и не более. Так что отомри, загони свою тьму и поднимайся уже.

Я не шевельнулась, хотя прекрасно расслышала его слова.

– Я сказал, хватит разыгрывать жертву, – рявкнул мужчина. – Ненавижу сырость на лице и женское притворство. Со мной такое не пройдёт!

Я не отреагировала на его слова. Мне было больно даже дышать.

– Ладно, тогда я сам тебя подниму. И не вздумай разводить истерику. Заставлю заткнуться, да так, что и слова больше промяукать не сможешь.

Он встал. Я отчётливо расслышала скрип пружин кресла. Распахнув глаза, увидела перед своим лицом тяжёлые грязные ботинки. Мужчина присел, откинул плед, что остался на моей пояснице и ногах, несмотря на падение, и прикоснулся к спине.

Я не сдержала стон, когда он чуть надавил на рану.

– А вот это уже нехорошо, – в голосе мужчины зазвенела тревога. Его руки быстро прошлись по моему телу. Он словно искал ещё повреждения. – Где ещё болит? Ну, отвечай, – шепнул он над самым моим ухом и попытался приподнять.

Я закричала от боли. И в этот момент ощутила, как нечто пробирается через мою кожу и поглощает тьму, оставляя меня без защиты.

– Каратель, – пробормотала я, поняв, что этот мужчина не просто одарённый – он тёмный. Тот, кто способен пожирать чужую магию.

– Не бойся, княжна, не обижу больше, – шептал мужчина, поглаживая меня по голове. – Глупенькая, что же ты молчала. Никто тебя не тронет. Ты почему не сказала, что это не притворство. Что за глупая гордость.

Гер попытался повернуть меня набок, но я дёрнулась и застонала. Из глаз брызнули непрошенные слёзы.

– Риган, – крик северянина оглушил, – целителя сюда. Быстро!

Кто-то заскочил в комнату. Вокруг поднялась суета. Обрывки фраз, но всё, что я видела – это грязные носки мужских сапог. Всё моё сознание сосредоточилось на травинке, что прибило слоём глины на подошву. Я не могла понять, что это за растение. Моё тело и разум разрывались от боли, а я гадала, что же это за цветочек такой.

Меня всё-таки перевернули на спину и теперь я видела лицо своего нового мучителя. На его лбу появилась морщин-

ка. Меня разглядывали тёплые карие очи, обрамлённые густыми чёрными ресницами, словно ему кто глаза угольком подвёл. Красивый снаружи, но такой злой внутри.

– Болит? – тихо спросил он.

– Ненавижу! – слово само вырвалось из моих уст.

Я смотрела в глаза склонившегося надо мной мужчины и видела в них свое отражение. Бледная с растрёпанными волосами. Сейчас я действительно напоминала умервие.

– Как же я вас ненавижу, – повторила я вполне осознанно.

Мужчина дёрнулся, будто получил пощёчину, и склонился ещё ниже, не разрывая зрительный контакт. Мне казалось, он вглядывался в душу. Станный пронизывающий взгляд.

В его глазах медленно загорелся уже знакомый тёплый жёлтый огонёк. Он становился всё ярче и, пульсируя, завораживал.

Моргнув, я оборвала это наваждение.

Отпрянув, северянин снова глянул на моё лицо. Как будто в первый раз увидел. На его губах обозначилась мягкая добрая улыбка. Шумно вздохнув, гер осторожно поднял руку и обвёл контур моего лица пальцами.

– Ну, здравствуй, долгожданная моя, – шепнул он, а затем, склонившись, поцеловал меня в уголок глаза. – Наломал я, кажется, дров.

Глава 6

Опешив от столь неожиданной и нежной ласки, я приоткрыла рот и не знала, как мне относиться к тому, что сейчас произошло. Он меня поцеловал. Ни один мужчина никогда раньше такого не делал. Только мама перед сном вот также, желая спокойной ночи, касалась губами уголка глаза.

Это неожиданное проявление нежности сделало меня вмиг беспомощной. Моего обоняния коснулся слабый аромат хвои и ещё чего-то родного и такого любимого. Вдохнув, я прикрыла глаза.

Смородина.

По моему виску скатилась одинокая слезинка.

Этот мужчина пах хвоей и смородиной.

– Не плач, упрямец моя, – гер снова коснулся пальцами моей щеки и ласково пригладил, – сейчас придёт целитель и поможет. Потерпи.

В его глазах плескалась неподдельная тревога. Отвернувшись, чтобы не видеть, я нащупала и сжала в ладонях ткань пледа.

– Это ничего, Амэлла, – казалось, он вообще не обращал внимания на то, что я не желаю его прикосновений. Огромная мужская ладонь прошлась по моим волосам, приглаживая их. – Никому не дам тебя в обиду и сам никогда больше не трону. Я очень злой и сильный северянин, веришь? Лю-

бому, кто сунется к тебе, голову скручу.

От этих слов мне вдруг стало как-то легче. Губы против моей воли тронула улыбка. Дверь с грохотом распахнулась, и к нам подлетел воин.

– Что стряслось? – выпалил он и, нагло отпихнув гер Каила, принялся уверенно осматривать моё тело. – Я видел, как она падала, там не было ничего серьёзного...

Он умолк и, резко повернув меня набок, нашёл рану. От этого движения в глазах потемнело и, не удержавшись, я вскрикнула.

– Осторожнее с ней, – грозно зарычал гер.

– Тихо, – шикнул целитель, как ни странно, его послушались. Ощупав рану, мужчина спустился ниже и прошёлся ладонями по моим бёдрам, при этом задрал подол платья, выставляя моё уродство напоказ.

– Хватит, – взмолилась я, – оставьте ноги в покое.

Меня ожидаемо не услышали. Чужие руки продолжали терзать разбитое тело.

– Что с её спиной? – тихо спросил Каил у того, кто сидел рядом. – Откуда кровь?

– Магическая рана, гер, – ответ прозвучал мгновенно, – здесь я бессилён. Могу только снять боль. Такие раны вылечить крайне сложно.

– Магическая, значит, – зло выдохнул гер. – а подробнее?

– Вот здесь, – целитель обвел ладонью на мою поясницу, – рана примерно с мой кулак, глубокая. По ощущениям ста-

рая, но она не заживает. Это плохо. Мне отправить гонца за вардом Саем, без него тут совсем никак?

Гер Каил накрыл мою ладонь своей и сжал. Этот странный жест показался мне столь интимным, что я выдернула руку. И тут же встретилась взглядом с яркими светлыми карими очами. Но, не выдержав напряжения, что чувствовалось между нами, отвернулась, насколько смогла в таком положении.

– Сначала убери боль, а потом пошли небольшой отряд к Вратам. И, Вэй, накажи, чтобы торопились. Я покараю за малейшее промедление.

Целитель рассеяно кивнул и даже не глянул на своего князя. Такое отношение мне казалось странным. Этот Вэй совсем не боялся своего гера. Не заискивал, не лебезил, и не роптал. Говорил прямо, без страха и преклонения.

– Конечно, – услышала я от него, – они доберутся туда максимально быстро. Я уже понял, что это вартеса.

– Так заметно? – лицо северянина исказилось и подёрнулось дымкой.

Я перевела взгляд на того, с кем он говорил. Странный рослый мужчина с пепельной косой, перекинутой через плечо и серой кожей.

– Заметно, гер, – он с серьёзным выражением лица утвердительно кивнул, – вы слишком бурно на неё реагировали. К тому же перевоплотились, потеряв контроль. Что на моей памяти случилось впервые.

Гер Кайл хмыкнул и положил ладонь на мою макушку. Он, словно не осознавая, что делает, гладил меня, как маленькую девочку. И это раздражало. Я совсем не умела реагировать на проявление такой заботы. Дёрнувшись, я попыталась отодвинуться. Но он даже не заметил моих жалких потуг.

Второй мужчина тем временем сложил ладони на моём животе. Кожу опалило, и я ощутила давно забытое тепло целительной магии. Она скользнула под мою кожу и побежала по венам, распространяясь по всему телу.

– Девушка была сияющей, – негромко произнёс Вэй. – Я слышу отголоски светлой энергии. Скорее всего, она выгоревший целитель.

Убрав руки, он нахмурился.

– Говори, – рявкнул Каил.

– Она заражена, гер. Её рана – это прикосновение Тумана. В ней клубится магия смерти.

– Что? Ты что несёшь? – северянин взревел и, ухватив целителя за грудки, встряхнул его. – Она жива. А ты пытаешься мне сказать, что моя женщина умертвие?!

– Нет, гер, – голос целителя звучал предельно спокойно, – придите в себя. Она жива, и пока ей ничего не угрожает.

Каил разжал руки его и запустил пятерню в волосы.

– Говори, что с ней, – глухо процедил он.

– Рана старая, очевидно, что получила её вартеса в тумане, но каким образом выжила, прежде чем он её прибрал к себе, непонятно. Но вы должны понять, что рана не зажива-

ет, и тьма в ней поглощает её собственный дар, который и поддерживал её всё эти годы. Хотя я думаю, рядом был целитель, к тому же ее недуг недооценивали, иначе ей бы не дали выжить. Предполагали, что соприкосновение с Туманом было поверхностным.

«Мояла» – тут же вспомнила я мачеху. Да, этот мужчина прав, она отдавала мне всё крохи своего дара. А теперь она где-то там, беременная, напуганная, в окружении не пойми кого. А если разбойники, гуроны. Страх сжал моё сердце. Да лучше бы мы послушали няню, и она осталась.

– Дальше, Вэй, – нетерпеливо поторопил целителя гер. – Как это вылечить?

– Я не знаю. Слышал о таком, но лишь мельком. Заражённые не живут долго. Это не секрет, вартесу нужно поддерживать и выяснять, что можно сделать для того, чтобы избавиться её тело от тьмы.

Слова были произнесены сухо и безэмоционально. Так, словно они о погоде говорили. А я же чувствовала себя раздетой и голой, выставленной на обозрение.

– Оставьте меня в покое, – прошептала я.

– Конечно, вартеса, сейчас боль стихнет и вам станет легче, – спохватился Вэй.

– Легче мне никогда не станет, – огрызнулась я, – уберите от меня свои руки.

– У тебя кровь, девочка, – негромко произнёс гер Каил.

– Я и без вас знаю, что у меня там, – сквозь зубы произ-

несла я. – Не смейте прикасаться ко мне.

Но они не слушали, задрав моё платье на самую талию, целитель принялся ощупывать ноги.

– Они не потеряли чувствительность, – пробубнил он, – скорее всего, мышцы слабы настолько, что не держат. Тьма отбирает слишком много здоровья. Ноги слишком худые, возможно, из-за плохих условий жизни. Это странно, но такое чувство, что женщина голодала. И ещё смотрите вот тут, – он обвёл рукой внутреннюю часть бедра, там, где у меня оставались синяки после последнего посещения супруга. Такого унижения я просто не могла пережить. И пусть один из них целитель, но второй. Этот гер сейчас видит свидетельства того, что меня... и я прикусила губу готовая разрыдаться. Нащупав подол платья, попыталась его отдёргнуть, закрыть он них свой позор.

– Тихо, упрямица моя, – нежно произнёс надо мной гер Каил, чем окончательно выбил из равновесия.

– Вы мерзкий, жестокий самодур, – прошипела я, вырываясь. – Оставьте в покое моё тело, вас оно не касается.

– Прекрати, – он поймал мои руки и сжал. – Что-то ещё, Вэй?

– Насилие, – тихо шепнул целитель, – это следы насилия.

– Замолчи, – взревела я, окончательно опозоренная.

Отталкивая руки, пыталась прикрыться от их взоров. И пусть на мне были короткие панталоны, всё равно продемонстрировать практически незнакомым мужчинам своё изуро-

дованное тело и следы своих унижений – это слишком.

– Ненавижу вас всех! – процедила я, осознавая, что они обо мне узнали. Я никогда не жаловалась на побои мужа, не рассказывала, не показывала многочисленные синяки: чёрные с бордовой окантовкой. Мерзкие доказательства того, насколько я была унижена и раздавлена супругом.

– Отойдите от меня, – рычала я, давя в себе рыдания, дёргая подол платья. – Я княжна, не смейте ко мне прикасаться.

Я понимала, что нельзя так разговаривать с ними. Что это враги. Захватчики! Но мне было так плохо. Что петля на шее уже не казалась такой страшной. Это всего лишь пара мгновений боли, и только-то.

– Добейте уже меня, и прекратите этот балаган, – взмолилась я, чувствуя, как мои руки снова оказались в плену чужих огромных ладоней.

Мужчина – целитель встал и отвёл от меня взгляд.

– Всё, что мог, гер, я сделал. Но, тут нужен вард Сай. Только ему под силу эту рану хотя бы подлечить. Я неуверен, что вартеса хоть когда-нибудь оправится до такой степени, чтобы забыть полностью о своём кресле. Но пробовать необходимо. Хорошее питание, покой, забота вернут ей здоровье. Главное, чтобы тьма не разрасталась.

Гер Каил задумчиво кивнул. Мне стало так смешно от этих слов, что я невольно засмеялась. Громко не сдерживаясь.

– Ну, да, княжеский обрубок забегает на культяпках, – зло

процедила я. – Вы это имели в виду?

– Вы вполне сможете ходить, вия, – чуть сконфуженно возразил целитель. – Просто нужно время и...

– Ага, ползать я вполне смогу, как безногое умертвие, – перебила я эти бредовые речи.

Сколько мне своих сил Мояла отдала, и всё впустую: тьма сжирала всё светлое, что было в моей душе.

Я снова дёрнулась, но гер Каил держал крепко. Приподняв, усадил себе на колени и прижал к своему мощному телу так, что дыхание спёрло. От смущения у меня залилось краской лицо и шея. Но страх так и не прошёл.

– Амэлла, успокойся, – тихо шепнул северянин и поцеловал в висок.

Меня затрясло как в лихорадке. Зачем он так себя вёл? Что ему от меня нужно было? К чему вся эта фальшивая нежность, забота. Это ненормально. Мужчины так себя не ведут. Он, видно, издевался.

– Насколько нужно быть мерзким и гнилым, чтобы потешаться над калекой, – я оттолкнула его, вырываясь из крепкого кольца его объятий. – Устройте уже публичную казнь, натяните мне на шею петлю и скиньте со стены, чтобы я украсила собой вид на теперь уже ваш замок. Вам же для этого меня оставили, – устало прошептала я, и закрыла лицо руками.

– Я пойду гер, – целитель смущено отводил взгляд, а я не понимала, почему они ведут себя так? Что изменилось в их

отношении ко мне?

– Иди, Вэй, – сухо произнёс гер.

Целитель спешно покинул гостиную, оставляя меня наедине с этим странным захватчиком. Гер Каил рывком отвёл руки от лица и пристально всмотрелся в мои глаза. Тот огонёк, что вспыхнул в его очах, становился всё ярче, пугая.

– Всё ещё больно? – поинтересовался он странно глухим голосом и снова обнял.

Меня передёрнуло.

– Вам-то что? – огрызнулась, чувствуя, как боль действительно уходит.

– Ты всегда такая колючка? Или это на меня особая реакция? – подняв меня на руки, гер осторожно усадил на кресло.

Его вопрос оставила без внимания. Я просто устала. За последний час пережила столько боли, страха и ярости, что, кажется, просто опустошила себя.

Опустившись на колени передо мной, северянин расправил мой плед, но заметя на нём кровь, откинул в сторону. Старая линялая серая тряпка покатила по полу. Взгляд мужчины упал на мамин плащ. Подняв его, он осторожно укрыл мои ноги, предварительно поправив подол платья.

– Почему ты без обуви? – услышала я вопрос. Мужчина, сжав в ладони голую ступню, мягко разминал её, словно согревая. – Носочки, что не вяжут у вас?

Сжав челюсть, я отвернулась. Что мне ему говорить? Не было у меня обуви уже давно. Ни к чему она мне. А нос-

ки... Я берегла их, зная, что шерсть нынче роскошь даже для княжны.

Тяжело выдохнув, остановила свой взгляд на колонне.

– Я больше не причиню тебе вреда, Амэлла. Ты можешь расслабиться. Я был неправ, не хотелось устанавливать здесь власть кровью, поэтому решил просто задавить вас страхом. Выбрал самое слабое звено – тебя. Но никто не желал твоей боли, – подняв зажатую в его огромной мозолистой ладони ступню, Каил коснулся губами моих пальчиков. Тело пронзила жаркая волна удушающего смущения. Лицо, шея, грудь пылали. И хуже всего, я не могла ничего сделать: ноги не слушались меня. Но я чувствовала прикосновение: тепло его дыхания, разбивающегося о мою кожу.

Улыбнись, он снова коснулся стопы губами и, кажется, лизнул мизинчик.

– Хватит, – выдохнула я и крепко зажмурилась.

– Всё хорошо, – шепнул он и поднялся. – Всё хорошо, моя гордая малышка.

Осторожно подкатив меня к небольшому столику, на котором стоял поднос с мясом и, поправив плащ, прикрывающий ноги, наконец-то, отошёл и сел в княжеское кресло.

– Амэлла, ты голодна? – услышав такой вопрос от северянина, я встрепенулась и с подозрением покосилась на него.

Меня всё больше пугала эта забота. С чего вдруг?

Он рычал на меня всего пару минут назад, а теперь спрашивает, хочу ли я есть? У него явно проблемы с головой.

Хотя...

Я внимательно осмотрела застеленный заляпанной жиром скатертью небольшой столик. Князь иногда трапезничал за ним. Особенно он любил это делать во время суда: стоит перед ним бедолага на коленях, ждёт своей участи, а княжеская рожа жрёт и не чешется.

– Амэлла? Я задал вопрос? Ты голодна? – северянин протянул мне изящную металлическую вилочку: она так нелепо смотрелась в его ручище.

– Я его слышала, – так же негромко ответила я. – Вы хотите, чтобы я всё это попробовала на наличие яда, или какую другую пакость для меня задумали?

Нахмурился и сжал вилку так, что она согнулась. А после, заметя, просто отшвырнул её в сторону. Сглотнув, я прикусила язык. Нельзя. Так с мужчинами не разговаривают.

– Я виноват перед тобой, признаю, – прорычал он, на его лице играли желваки. – Вёл я себя не самым лучшим образом, да, это так. За это я готов попросить прощение? За то, – он поднял указательный палец, – что не помог тебе сразу. Только лишь за это. Я в своём праве, Амэлла. Я пришёл сюда не погостить: теперь это моя земля, мой замок, мои люди. И ты тоже моя. Я вправе делать с вами всё, что пожелаю. А желаю я тебя. Так что умерь свою гордость, малышка, и улыбнись мне. Это улучшает аппетит. Сейчас принесут ещё одну вилку, и ты со мной поешь.

Я покачала головой. Мне сейчас никакой кусок бы в горло

не пролез.

– Не хочешь есть или компания не устраивает?

– И то и другое, – шепнула я одними губами.

– Ну, хотя бы не лжешь, – хмыкнул он. – И всё же прости за боль.

Я даже сглотнула, услышав такое. Орущий мужчина, который ведёт себя как свинья – это было мне привычно, но вот извиняющийся – вот это действительно необычно.

В душе разливался волнами страх.

– Что вы от меня хотите, гер Каил? Вы требовали, чтобы вам выдали князя, – это сделали. Что ещё вам нужно?

Мужчина откинулся на высокую спинку и замер, словно обдумывая мои слова. При этом я отчётливо видела, что он злится. Поднявшись, гер расстегнул и снял длинный чёрный кафтан. Бросив на меня короткий взгляд, небрежно перекинул его через подлокотник. В серой рубашке и облегающих брюках, заправленных в высокие сапоги, он казался более устрашающим. Широкие плечи, узкая талия, мощные бёдра. А руки такие сильные: наверное, он действительно способен убить, просто сжав ладони.

Сглотнув, я отвернулась.

По сравнению с ним, мой муж жалкий худосочный слизняк.

Гер сел и, потянувшись, подцепил на вилку кусочек мяса. Не глядя, отправил его в рот и зажмурился от удовольствия.

– Что мне от тебя нужно? – повторил он мой вопрос, про-

жевав. – Изначально в моих планах было просто выкинуть тебя за пределы княжества. Я уже сказал: с бабами не воюю. Но всё пошло как-то не так. Ты оказалась несколько не такой, как я себе представлял. Я бы даже сказал, совсем не такой.

– Думали увидеть безногое умертвие, а оказалась вполне живая женщина? – съязвила я, почувствовав себя увереннее.

– Можно сказать, и так. Но не совсем умертвие, скорее, лживую испорченную властью гадюку. Это если очень мягко выразиться. Ты же удивила.

– Чем же? – настороженно спросила, уже сама не понимая, чего ожидать от этого мужчины.

– Попросила не за себя, а за сопливаю девчонку и старуху. Это говорит о многом, Амэлла. Ты не солгала ни разу!

Эта его фраза насторожила.

– Откуда вам знать?

– Я чувствую ложь: она ощущается, словно я что тухлое проглотил, – с этими словами он отправил в рот ещё один кусок мяса.

Я не могла не сделать ему пакость: просто не сдержалась, подлю мстя.

– В таком случае, считаю вас замечательным мужчиной и очень рада вашему приходу, – выпалила я.

Как он скривился! Выплюнул на небольшую тряпицу для вытирания рук разжёванный кусок мяса и с такой обидой заглянул мне в глаза, что стыдно стало.

– Ну, ты и... – кажется, у него слов не нашлось. – Я неделю

нормально не ел. Я, можно сказать, ради этого куска сюда так быстро и добрался. Как тебе не совестно, женщина?!

– Зачем же вы, гер, даёте врагу в руки столь мощное оружие против вас?! Я не могла не использовать это, – мило объяснила я свою выходку.

– Что тебе не нравится, девочка? – сев ровнее, он скрестил руки на груди. – Я не тронул никого: пострадала только ты и то это чистая случайность. Не прибил бы я ни ребёнка, ни баб, что тряслись тут. Да, к мужикам милосердия не проявлю. И то, если будут сидеть как мыши и не дёргаться, то останутся живы – здоровы. Что тебе не нравится, княжна?

Я умолкла. Справедливости ради, нужно было признать, что он прав. Жаловаться мне не на что. Совсем. Но что-то в этом мужчине раздражало и злило.

Наверное, его внешность.

Красивый, статный, беззаботно весёлый.

Опустив взгляд на свои сомкнутые руки, сжимающие край матушкиного плаща, вспомнила, как всего час назад готовилась умирать. По совести, мне бы у этого мужчины в ногах валяться и слова благодарности шептать. Сглотнув, пригладила пальцами мех на плаще. Но для этого я была слишком горда. Чувство собственного достоинства – это всё, что у меня осталось.

Без этого я всего лишь жалкая калека.

– Вы правы, гер. Прошу простить мне мою выходку. Более портить аппетит я вам не стану, – сделала я попытку изви-

ниться, сохраняя лицо.

Гер, покрутив в руке вилку с нанизанным на неё очередным куском мяса, хитро на меня глянул.

– Уж лучше порть мне его враньём, чем вот таким ледяным тоном, – хмыкнул он.

– Я выказываю вам уважение, – искренне возмущилась, глядя на подозрительное веселье, которое он пытался скрыть.

– Уважение?! Серьезно, девочка, – Каил всё-таки рассмеялся. – Я не против, конечно, твоего уважения, но не в таком варианте.

– Я вас не понимаю, – сухо произнесла я.

– Всё просто, Амэлла, ты станешь моей супругой. Вартесой клана Бессон, так что прошу к себе соответствующего обращения.

– Это какого? – я сглотнула и нервно улыбнулась, хотя, наверное, это более на оскал походило.

– Ну, а как обращаются с мужем?! Его любят, дарят ласку, кормят самым вкусеньким. Ну, и по ночам согревают.

У меня ком в горле встал. Представив, что этот мужчина может сделать со мной, если я хотя бы пикну против мнимого супружеского долга, онемела внутри. Он же меня просто сломает и не заметит.

– Это у вас такая манера шутить, гер? – в надежде на какое-то чудо пропищала я.

– Я вполне серьёзен, – он пожал плечами. – Что тебя опять

не устраивает?

Я попыталась сглотнуть вязкий ком, что мешал говорить. Что не устраивает?! Всё!

– Во-первых, я калека, – слишком громко произнесла я, не узнавая собственный дрожащий голос. – Во-вторых, за мужем. В-третьих, бесплодна.

Замолчав, я провела по пересохшим губам языком.

– Не лги! – рыкнул северянин. – Последняя фраза была откровенной ложью.

– Да, утроба моя пригодна для ребёнка, но всё остальное подкачало, – быстро поправились я, и сжала ткань плаща так, что костяшки пальцев побелели. Подняв взгляд, поняла, что он смотрит на мои ладони.

– Чего ты боишься, Амэлла? – его голос звучал ровно. – Я не насильник и не стану принуждать. И да, я сделаю всё, чтобы изгнать из тебя тьму. Мой брат один из сильнейших целителей севера. Будешь у меня бегать, а может даже и прыгать, – гер продолжил обедать. Похоже, что он не шутил. Открывающаяся перспектива меня совсем не радовала.

Скорее пугала, потому как я не верила ни единому его слову. Мужчины всегда лгут.

– Если я скажу «нет», – тихо спросила я.

– Хм, обычно я нравлюсь женщинам, чем же тебе не приглянулся? – в его глазах плескалось веселье.

– Вы едите, так что я лучше не стану отвечать: боюсь и правда, и ложь одинаково испортят вам аппетит, – попыта-

лась ускользнуть я от ответа. Но, похоже, только разожгла его любопытство.

– И всё же, княжна Амэлла, чем я вам не подхожу? Помимо того, конечно, что вы ещё не вдова и пока не ходите.

Мне было что ответить: хотя бы потому, что я не желала быть посмешищем или вовсе пугалом при красавце муже. Не хочу ходить вдоль стен в собственном доме, и наткаться всюду на его любовниц. И самое главное, я не хочу, чтобы хоть один мужчина когда-нибудь касался моего тела.

Сама мысль об этом вызывала тошноту.

– Я не желаю становиться вашей женой. Поэтому подпишу любую бумагу, и в присутствии кого угодно откажусь от своего титула. Но, я не назову вас супругом.

Северянин на мгновение замер, а потом довольно резко бросил вилку в пустую тарелку. Его плотно поджатые губы и хмурая морщинка, рассекающая лоб, говорили о том, что мужчина злится, но пытается сдержать свой нрав. Уже за это он заслуживал уважение.

– Амэлла, а дело вовсе не в этих землях, девочка, – спокойно и крайне сдержанно сообщил он мне.

– А в чём же? Уж не приглянулась я вам, в самом деле?!

Потянувшись рукой, он погладил мою скулу тыльной стороной ладони.

– Ты непросто мне приглянулась – ты моя избранная. Знаешь, что это означает? Твой род ведь из древних магов, ты не можешь не знать!

– Всё это давно забытые сказки, – выдохнула я.

– Для вас, южан, да. Для нас, северян, жестокая реальность!

– Вы древний? – он касался моего лица, пугая и смущая одновременно.

– Нет, – отмахнулся он.

Я выдохнула от облегчения.

– Хуже, Амэлла, я иной.

Лицо мужчины подёрнулось дымкой и перевоплотилось. На меня вновь смотрел монстр, сотканный из плотного тумана.

Глава 7

Как ни странно, но после этого весьма необычного «обеда», во время которого я не съела ни кусочка, гер Каил лично отвёз меня в мою прежнюю комнату и оставили там, но перед тем, как выйти, шокировал ещё раз, прижавшись губами к моему виску. Столько ласки от мужчины я не видела никогда. В его глазах не было ни злобы, ни холода, только странное восхищение, к которому я не привыкла.

Я была в смятении.

Сердце разрывалось от боли и страха перед этими непонятными чувствами, которые ворвавшийся в мою жизнь чу- жак пробудил в давно угасшей душе.

Поцелуй.

Он оказался таким тёплым и трогательным. Будоражил и смущал.

А ещё жутко пугал.

Хотелось вопить и бежать отсюда подальше, спрятаться и просто пережить этот день. Я кружила на коляске по маленькой комнатке, словно зверёк, загнанный в клетку, и не знала, что и думать, как воспринимать новую реальность.

Вскоре ко мне пришла няня с покрасневшими от слёз глазами. Пожилая женщина напряжено вглядывалась в моё лицо, словно страшась задать вопрос.

– Он сказал, что Мояла ему неинтересна, и что с женщи-

нами не воюет, – шепнула я, поняв, что съедает мою старушку.

Прикрыв глаза, ия Лунсия распрямилась, будто камень я с её плеч сняла.

– Амэлла... Он тебя не тронул? – в сухом голосе нянечки всё ещё слышалась тревога.

– Нет, – я покачала головой, – не тронул.

Больше старушка вопросов мне не задавала.

Она бестолково толклась у шкафа и зачем-то наводила порядок. Я понимала, что там всего шесть платьев, пара ночных рубашек, шерстяные чулки да панталоны. Но если перекладывание этого нехитрого гардероба помогало женщине успокоиться, то пусть продолжает.

Подъехав к окну, я выглянула во двор.

Вот оно постоянство.

За толстым стеклом пейзаж никогда не менялся: угол сарая и огороженный грубой металлической сеткой загон для некогда водившихся у нас коз. Через него были видны центральные ворота. Порой я днями напролёт в ненастную погоду сидела и наблюдала за тем, кто выходит и заходит во внутренний двор замка.

Бестолковое занятие, но хоть какое-то.

Да когда-то во времена правления моего деда у нас было богатое хозяйство при замке, да и деревни жили сытно. Мой отец заметно ухудшил наше положение, но все же при нем даже северные поселения получали княжескую помощь

в зимнее время года.

На колени же княжество поставил мой супруг – князь Хумьяр.

Он всегда высказывал мнение, что правитель не должен думать о своих подданных, это они обязаны крутиться день и ночь, чтобы угодить своему хозяину. Понятно, что при таком подходе за пару лет мы оказались разорены настолько, что на счету каждый поросёнок. Лес на севере кишит умертвиями, на юге страшный голод. Притом что там богатейшие угольные шахты, вот только князь такую цену за уголь ломил, что желающих покупать не нашлось.

Я невоспитанно шмыгнула носом. Если северяне окажутся плохими хозяевами, то по миру уже мы всё пойдём.

Словно услышав мои мысли, в загон, с силой распахнув проржавевшую калитку, вошли трое воинов. Обойдя территорию, они попинали высокую траву и сокрушенно покачали головами. Один из них обернулся и случайно встретился со мной взглядом.

Не знаю почему, но я улыбнулась.

Молодой мужчина так же открыто поприветствовал меня вежливым кивком головы, его жест повторили и остальные. Столько почтения было в этих простых поклонах. Невольно я расправила плечи и приподняла подбородок. В глазах мужчин читался интерес: тот, с которым воины мужа смотрели на служанок, работающих в замке.

На миг я ощутила себя женщиной. Быть может, даже при-

влекательной.

Но мужчины отвернулись и занялись своим делом. Расслабившись, я, поерзав, нашла удобное положение в кресле и принялась наблюдать за их действиями. Странные они всё-таки: волосы, словно пеплом присыпали и локоны длиннющие. А главное, красивы ведь, каждый на свой лад.

Прохаживаясь вокруг загона, мужчины продолжили что-то замерять и изучать. Вскрыли давно сгнивший покосившийся сарай. Видимо, силу для этого они приложили немалую, потому как дверь, сорвавшись с петель, повалилась на-земь.

Мужчины виновато покосились на меня, следящую за ними в окно, но, признаться, в этот момент стыдно было именно мне.

Смешно, конечно, пришли захватчики, а я краснею перед ними за развалившийся сарай. Но ничего с собой поделывать не могла. Хорошо хоть замок мои предки построили пусть и небольшим, но крепким.

Перекинувшись парой фраз, которые, к сожалению, я слышать не смогла, потому как окно уже лет пять не открывалось, северяне удалились.

Наверное, из всех войн, что видела моя земля, эта самая нелепая и жалкая. По сути, северяне просто прошли по княжеству до его центрального поселения и заняли наш замок.

Ни сражений, ни подвигов ратных, ни сопротивления со

стороны населения.

И отчего-то мне даже обидно не было: мы окунули народ в голод и нищету, они в ответ сдали нас врагам на милость. Что князя Хумьяра найдут, я не сомневалась. Главное, чтобы Мояла не пострадала.

За моей спиной что-то звякнуло. Обернувшись, увидела вошедшую кухарку Рою.

– Княжна, гер Каил приказал принести вам обед, – негромко произнесла она и поставила поднос с едой на прикроватную тумбу.

Недоумённо глянув сначала на тарелки и стакан с травяным отваром потом на служанку, я решила всё же переспросить.

– Гер приказал меня покормить? Мне запрещено покидать покои?

В душе что-то перевернулось. А вдруг меня запрут в этой комнате.

– Нет, княжна, что вы, – женщина замотала головой, да так энергично, что на мгновение мне показалось, она у неё отвалится. – Он велел собрать вам обед, чтобы овощи были, мясо и всё. Других указаний не было.

Я пожала плечами и перевела взгляд на няню. Она тоже как-то странно косилась на еду, но молчала.

Подъехав к столу, взяла салфетку и разложила на коленях. Я действительно не ела ничего с самого утра. Да и варёный картофель с жареной куриной ножкой выглядел аппе-

титно. Но всё же забота со стороны северянина одновременно и удивляла, и настораживала.

С чего ему вдруг заботится обо мне? Что не так с этим мужчиной?!

Да и вообще, сам факт, что ему есть дело до того, ела я или нет, поражал.

Подцепив на вилочку картофель, я принялась есть.

Кухарка покинула комнату, а няня продолжила копошиться в моём гардеробе.

Наверное, за последние десять лет, это был самый спокойный ужин. Не нужно было держать спину за княжеским столом так, словно спицу проглотила. Нет волнений по поводу того, что я стану очередным объектом для остроумных изречений супруга.

Ешь себе и наслаждайся вкусом овощей и мяса.

Я даже смогла распробовать то, что ем. Посмаковать. Разжевать и ощутить вкус. Блаженно закрыв глаза, наслаждалась покоем.

Я почти закончила обедать, когда дверь снова отворилась, и вошёл гер. Не обращая на нас внимания, он прошёлся по комнате, оценив убогую обстановку. Поморщился и кивком головы приказал няне выйти.

Но моя старушка с места не сдвинулась, чем повеселила северянина.

– Не выйдешь сама – вышнырну из замка, – с милейшей улыбкой сообщил он.

И произнесено это было так, что сомнений не оставалось – выкинет. Не пожалеет. С этого северянина станется.

– Ия Лунсия, вам лучше слушаться гер Каила, – тихо намекнула я няни, не лезть на рожон. Но она и без того всё поняла.

Строптивая старушка, бросив на меня очередной виноватый взгляд, всё же подчинилась. Шаркая ногами, с поникшей головой она проследовала к двери.

– Да, не съем я её, – бросил ей вслед гер, – ну, может, только укушу за пикантное место пару раз.

Моё лицо вспыхнуло пламенем смущения, когда я поняла, о чём он намекнул. Нянечка же что-то проворчала сквозь зубы и всё же покинула комнату.

– Это даже хорошо, что у тебя такая верная служанка, – подметил гер после того, как дверь захлопнулась.

– Она растила мою мать и меня с сестрой. А её мама – мою бабушку, – бесхитростно ответила я. – Спасибо вам за обед. Это было неожиданно.

Я старалась быть вежливой и не злить его. Не выводить из себя. Но само присутствие мужчины в этой комнате нервировало и держало в напряжении.

Северянин подошёл ближе и, не обнаружив ни кресла, ни стула, сел прямо на застеленную кровать. Глянул на пустые тарелки, а потом с неким укором на меня.

– Всё же ты была голодна, а со мной есть отказалась!

Я сглотнула, прикусив нижнюю губу. Отвечать на его ре-

плику не стала. В данном случае лучше промолчать.

– Что же неожиданного было в тарелке с картошкой? – с искренним непониманием поинтересовался он.

– Вы даже знаете, что я ела, – я попыталась улыбнуться своему незваному гостю, но вышло как-то жалко. – Мужчины никогда не интересуются делами женщин. И уж тем более, их не заботит то, кто что ел и когда это делал в последний раз.

– Какой бред, – хмыкнул гер, – и не надо называть то существо, что правило тут до меня, мужчиной.

– Князь Хумъяр...

– Довольно, – рывкнул он, – я даже имя это из твоих уст слышать не желаю. Считай, что он уже сдох.

– И всё же вы ведёте себя странно. Я не могу понять, что творится в вашей голове и, конечно, вы должны понимать, что ваши шутки на мой счёт смехотворны. Но... – я запнулась, потому как желала высказать то, что терзало меня последние несколько часов. – Я хотела бы остаться жить здесь, необязательно в замке, во внешнем дворе есть крепкие пригодные для жизни дома, – тихо попросила я после некоторого молчания. – Я боюсь, что мне и няне просто некуда идти, а в моём положении где-либо пристроиться...

– Амэлла, тебе не надо больше ни о чём переживать, – снова перебил меня северянин, в его взгляде скользнула неуместная жалость.

Это меня задело.

– Не смотрите, пожалуйста, на меня так! – выдохнула я.

– Как? – не понял он.

– Так, словно я недобитая собака, – мне стало так противно от понимания того, как низко я пала. Что выгляжу, как недобитая калека, недоумертвие, которым, по сути, и являюсь.

Я не желала мириться с такой действительностью.

– Я вырву язык любому, кто посмеет тебя так оскорбить. Но смотреть я на тебя буду так, как посчитаю нужным. И в следующий раз, дважды подумай прежде, чем сделать мне замечание, колючка моя.

Кажется, грубый жестокий северянин никуда не делся. Он сейчас прямо смотрел мне в глаза, и даже намёка на сострадание в его глазах больше не было.

– Что касается обеда... – он призадумался. – Мне совершенно наплевать, как вели себя мужчины твоего рода и тот слизняк, что посмел прикоснуться к тебе. Но о нём мы вспоминать не будем, скоро его и вовсе не станет. А о мёртвых, как известно, либо хорошо, либо помолчим. Я же буду относиться к тебе так, как того велят обычаи моего клана. Женщина цена, тем более та, что ты назвал своей. Что она ела. Что на ней надето. Как себя чувствует. Всё это дела её мужчины. Ты – моя забота, так что привыкай.

Сняв с запястья широкий металлический браслет с высеченными на его поверхности рунами, он поднялся с кровати и, подойдя, взял мою руку в свою. Не понимая, что происхо-

дит, я попыталась выдернуть ладонь, но он не дал. Странно улыбнувшись, гер Каил защёлкнул браслет на моём запястье.

Руны вспыхнули и угасли.

– Что это за украшение? – насторожившись, поинтересовалась я, но в душе испытывала странное неведомое ранее ощущение довольства, что ли.

Мне никто никогда не дарил подарков.

– Это не украшение – это брачные браслеты, – сладко протянул мужчина. – Отныне ты моя супруга. Амэлла из клана Бессон. В одном ты была права, девочка, твой род действительно прервётся на тебе. Наши дети будут принадлежать северу и моему клану.

Опешив на пару мгновений, я ухватила за широкий обруч и попыталась снять его с руки, но он не поддавался.

– Не выйдет, колючка. На нём магическое плетение: привыкай его носить.

– Я замужем, – немного истерично заявила, всё ещё дёргая браслет.

Гер мягко, но в то же время уверенно отвёл мою руку и поправил украшение.

– Эта жалкая тварь уже завтра будет болтаться на крепостной стене. А в качестве подарка я отдам тебе женщину, что в его повозке. Ты ведь за неё переживала, – взгляд его стал таким хитрым и в то же время подкупающим.

– Мояла, – выдохнула я. – Вы не тронете её?

– Нет, но только если ты признаешь меня своим супру-

гом, – и снова эта мальчишечья озорная улыбка. Сколько же лиц у этого мужчины и где истинное?!

– Это шантаж! – выдохнула я, понимая, что ради мачехи признаю своим супругом хоть умертвие.

– Нет, девочка. Шантаж выглядит несколько по-иному. Например, за каждый час, что ты думаешь сказать мне «да» или «нет», я буду отрывать голову одному из твоих близких. Начну, наверное, с няни, которая изрядно меня раздражает.

От его слов меня передёрнуло. И ведь выглядел он так мило, словно мальчишка. Такая трогательная улыбка на устах.

– Вы монстр! – выдохнула я.

Мужчина лишь неопределённо пожал плечами.

– Выбирать тебе, Амэлла. Либо ты сейчас меня целуешь и признаешь своим мужем. Либо я иду вымещать зло и нанесённую мне жестокою обиду на тех, кто тебе дорог, – подмигнул он. – Вот это уже шантаж, если ты не поняла.

Я смотрела на него, и не понимала, серьёзно ли он говорит или шутит. Мужчина выглядел добродушно и расслабленно. Его внешность совсем не вязалась со словами, которые он произносил. Сглотнув, я уставилась на рисунок пледа, что застилал мою кровать. Когда-то на нём были изображены красные цветы, но теперь ткань полиняла настолько, что выглядела бесцветной тряпкой.

– Амэлла, я всё ещё жду твой ответ. И поверь, терпение не самая сильная сторона моего характера.

– Я не хочу, – тихо шепнула, не поднимая взгляда.

– Чего не хочешь? – не понял он.

– Не хочу быть чьей-то женой. Отпустите меня, я прошу вас: изгоните из замка, определите на работы да хоть в сви-нарник, всё что угодно, только не брак...

– Это не обсуждается, – жёстко произнёс он. – Ты уже моя супруга по законам Севера.

– Но я же замужем, – я пыталась достучаться до этого упрямого северянина. – Только представьте, каким вы станете посмешищем, взяв в жёны женщину, которую за глаза умертвием называют.

Каил искренне рассмеялся. Подавшись вперёд, ухватил меня за плечи и под колени, и резко поднял с кресла.

– Что вы делаете? – взвизгнула я от неожиданности.

Но ответа не последовало, вместо этого я оказалась в крепких объятиях мужчины.

Глава 8

Ничего не понимая, я ухватилась за мощную шею, боясь, что гер меня уронит или сделает ещё что-нибудь похуже.

– Тихо, колючка. Что ты сжалась, как дикий зверёк. Я ведь уже сказал, что не обижу.

– Отпустите меня, – шепнула я, – верните на кресло.

– Успеется, – хмыкнул он и сел на постель, поместив меня на своих коленях. Только оказавшись в его объятьях, я поняла настолько он огромный и мощный. Сильные ладони бережно поддерживали меня, не давая упасть.

– Это неправильно, – пролепетала я, – вам не пристало так себя вести.

– Как хочу, так себя и веду, – хохотнул он, – расслабься, ёжик мой. Ну, в самом деле, какой мне резон тебя обижать.

Он зачем-то потёрся щекой о мою макушку и, кажется, поцеловал в волосы, вводя меня в ступор.

– Тогда зачем вы подняли меня на руки? – севшим голосом выдохнула я.

– Хочу. Мне не нравится, когда ты сидишь в своём кресле так, будто спицу проглотила, и цедишь сквозь зубы каждое слово. Так что я решил сменить обстановку.

– Это было неверное решение, – выдохнула я, – вы ведёте себя как неотёсанный...

– Осторожнее, Амэлла, – перебил он, – у меня очень ра-

нимая душа. Не стоит травмировать её оскорблениями ещё больше.

Не удержавшись, я скептически приподняла бровь.

– Что?! – казалось, он и правду возмущён моим неверием. – Я, между прочим, к тебе всем сердцем тянусь: даже вот женой сделал, чтобы всё по-честному, а ты обзываться.

– Гер Каил, вы ведёте себя как мальчишка, – растерянно произнесла я, чувствуя, как его ладони медленно скользят по моей спине. Замерев, с изумлением поняла, что меня беззащитно тискают, словно я девка блудливая.

– Гер Каил! – прошептала, когда его рука сжала моё бедро и скользнула на внутреннюю сторону.

– Ты там мне рассказывала о том, как плохо я себя веду, – напомнил он мне. – Не отвлекайся, Амэлла.

– Вы... вы, – его ладонь скользнула по бедру выше. – Не смейте!

Дёрнувшись, я ощутила его прикосновение между ног.

– Не смейте! – взревела и с силой ударила по руке. Я билась и отталкивала его, но всё тщетно. Он сжал кольцо рук так, что я, кроме как дышать, более ничего не могла.

– Тихо, – шепнул он, обжигая дыханием моё ухо, – всё. Вот видишь, я остановился. Что ты так испугалась, Амэлла? Я всегда услышу твоё «нет». Только скажи и всё.

В комнате воцарилась тишина. Он действительно больше не трогал, не прикасался, но при этом не выпускал из объятий.

– Я не насильник, запомни это, моя вартеса. Я не хочу причинить боль, только любить и заботиться. Расслабься и доверься, хотя бы попробуй.

Я молчала. Не верила, конечно, и всё не могла понять, к чему эти игры.

– Что вы от меня хотите? – высказала я то, что терзало.

– Ничего, совсем.

– Тогда зачем вы пытаетесь убедить меня в том, что я вам интересна?

– Потому что ты мне действительно безумно интересна, – хмыкнул он.

– Калека, с изувеченным телом, – я ещё раз дёрнулась, но он сжал руки сильнее. – Заражённая магией смерти. Кого вы пытаетесь обмануть, гер?

– Ровным счётом никого, – облокотившись на подушки у изголовья постели, он усадил меня на себя сверху, да так, что спиною я упёрлась в его согнутую ногу.

– Верните меня в кресло! – моему возмущению не было предела. – Что вы себе позволяете?!

Беспомощно качнувшись, упёрлась в грудь мужчине ладонями. Он смеялся, глядя, на моё покрасневшее от смущения лицо.

– Что смешного? – взвизгнула я. – Вы ведёте себя как... как...

Слов не находилось.

– Как кто, княжна Умертвий? – приподняв смоляную

бровь, потребовал он договорить оскорбление.

– Как чурбан, а не северный князь! – выпалила я.

Смех стал до неприличия громким. Под моими руками грудная клетка мужчины ходила ходуном.

– Не князь, а вард, но в моём случае правильное гер, – выдохнул он, немного успокоившись.

– И в чём разница? – не поняла я.

– Вард занимается внутренними делами клана и вардана, гер – воюет.

Уперевшись руками ему в живот, наконец-то, выровняла положение и села удобнее. Подо мной странно пульсировал некий бугор, и я с ужасом догадывалась, что это. От этого понимания моё лицо вспыхнуло с новой силой.

– Вы воевода, – выдавила я из себя, покосившись на своё кресло, которое мне было недостасть.

– Можно сказать и так. Прелесть моя, если бы будешь и дальше так соблазнительно елозить на мне, это закончится брачной ночью уже сейчас, – с придыханием шепнул он и нахально подмигнул.

Я мгновенно замерла статуей.

От отвращения меня пробило мелкой дрожью. Наверное, я не смогла сдержать эмоции, и они проступили на моём лице.

– Тебе так противен я или это что-то иное? – уже серьёзнее поинтересовался мужчина.

Этот северянин определённо умел задавать нужные во-

просы.

Отведя взгляд в сторону, я пыталась найти подходящий ответ.

– Только безо лжи, – немного грубо шикнул он.

– Я вас не знаю. Вы кажетесь мне странным и жестоким, – проямлила я, сама понимая, что мои слова могут очень ему не понравиться.

– Нет, я спросил, противен ли я тебе?

Я внутренне подобралась. Нужных слов не находилось.

– Отвечай, Амэлла, немедленно: «да» или «нет»?

– Мне противны любые прикосновения мужчины, – выдохнула я.

От волнения сжала серую ткань его рубашки. Я всегда умела себя вести: была хладнокровной. Но, этот северянин так легко смог выбить меня из привычной колеи. Смutil настолько, что кожа пылала, при этом я ощущала страх.

Страх перед этим странным мужчиной.

– И как долго эта тварь тебя терзала? Мой целитель ведь не солгал, то были следы насилия, – лицо Каила стало серьёзным.

– Я не желаю с вами обсуждать то, что происходило между мной и моим супругом, – отчеканила я.

Но, как бы я ни старалась сейчас выглядеть высокомерной, мой голос предательски дрожал.

– Твой супруг я, – Каил сдвинул мои бёдра и сильнее прижал к возмутительному бугру у него в штанах. – Я спросил,

как долго он терзал тебя?

– Я не желаю с вами об этом говорить, – упрямо пробормотала я. – Неужели вам не понятно, что есть вопросы, которые женщинам не задают. Вы действительно ведёте себя как деревенщина.

– А с чего, женщина, ты взяла, что я благородных кровей? – гер хмыкнул.

– Вы северный князь, – напомнила я ему.

– И что? – Каил приподнялся и теперь его лицо находилось в опасной близости от моего. – Мне было двенадцать, когда я впервые занес меч над чужой головой. Я познал удовольствие битв раньше, чем попробовал первую женщину. Я деревенщина: кровный брат бастардов, так у вас называют тех, кого нагулял князь. Но это не помешало ни мне, ни братьям, завоевать свой кусок земли, расширить его и стать вардами. Наш клан уважаем. А теперь, княжна, я получу твои земли, а главное тебя.

Я попробовала отстраниться от него, но быстро поняла, что это невозможно. Разгадав мои манёвры, гер улыбнулся. Его руки скользнули по талии и сжали её, притискивая моё тело к мужскому. Дёрнувшись, оперлась ладонями в его грудь и напряглась, готовая сопротивляться.

Я ожидала насилия, боли, принуждения.

Но он просто обнял.

Широкие ладони погладили мою напряжённую спину.

– Расслабься, моя княжна. Ничего я тебе не сделаю. Ты

придѣшь ко мне сама, я сотру из твоей памяти его образ, заменив его собой.

Прикрыв глаза, я не знала, как мне реагировать на его слова. Такое смятение. Мысли разбегались, а внутренний голос шептал, что где-то должен быть подвох. Такой красивый сильный воин никогда бы не выбрал калеку.

И именно это отрезвило.

– Я не знаю, зачем вы это делаете, гер Каил, – тихо выдохнула я. – Но я не настолько глупа, чтобы поверить в то, что мужчина с вашей внешностью и положением заинтересуется женщиной, прикованной к инвалидному креслу.

Объятия стали крепче.

– Да, чтобы ты понимала, женщина, – мой висок обжѣг поцелуй. – Вы южане совсем крови своей не чувствуете.

– Я знаю об избранных, и считаю это ненормальным, когда мужчина выбирает себе супругу, просто ориентируясь на запах. Это глупость! Должны быть чувства, дружба, страсть, а не просто подходящий аромат.

Каил хохотнул, его рука скользнула на мой затылок и, сжав его, гер заставил меня взглянуть ему в глаза.

– Я Иной, княжна. Мы выбираем себе женщину совсем по другим ориентирам. Таких, как я, мало и боги позаботились о нас, дав возможность увидеть свою единственную. Взгляд, Амэлла. Всё решил один лишь взгляд.

– Глупость, – смущено пролепетала я.

– Нет, не глупость. Ты понравилась мне сразу: такая хруп-

кая, худенькая, стройная. В больших голубых глазах столько невинности и наивности. Губы сочные. Они настойчиво просят поцелуев. Не женщина, а сплошной соблазн. Но, в то же время в тебе чувствуется сила. Характер не может не восхитить. Взгляд, милая моя, это как проверка – индикатор правильности выбора. Но я и без этого быстро бы понял, что ты именно то, что мне нужно.

Прикусив губу, я растерялась от таких признаний. Он так давил своей аурой. А то, что я сидела, прижатая в его телу, мысли мои не прояснило.

– А теперь скажи, Амэлла, я противен тебе?

Гер Каил настаивал. Его красивые необычные глаза прожигали меня. Он будто в душу заглядывал и видел куда больше, чем я хотела показать.

– Я чувствую твой страх, Амэлла. Он как шлейф тянется за тобой. С первого же мгновения, как я вошёл в этот замок, я ощутил его. Им пропитано всё: куда бы я ни пошёл, в какой комнате ни остановился, я чувствую отголоски твоей боли и страха. И мне это не нравится. Посмотри на меня.

Я отвела взгляд. Но ухватив за подбородок, гер повернул мою голову и вынудил заглянуть в его глаза.

– Я не обижу, не ударю и не оскорблю. Не причиню боль. Не посмею зайти так далеко, как мне хотелось бы, пока ты не скажешь мне «да». Перестань трястись в моих объятьях. Разве я делаю что-то плохое?

– Нет, – пролепетала я, понимая, что обвинить мне его не

в чем.

– Поверь, так будет и впредь. Всё, что мне от тебя нужно, – это немного ласки и любовь. Не страх, Амэлла. Ни ложь, ни поклонение, а немножечко тепла. Я хочу возвращаться в твои объятия и ощущать себя любимым и желанным. Без всей этой мерзости вокруг. Ты мой островок покоя.

– Вокруг достаточно женщин... – хотела возразить я, но он перебил.

– Меня не интересуют лживые корыстные особы: от них тошнит в прямом смысле, а я слишком люблю сытно поесть, чтобы держать при себе таких. Придётся тебе, Амэлла, любить меня по полной.

– Я не... – он прижал палец к моим губам.

– И слушать возражения не хочу. Это твоя судьба: бери меня вот такого и люби самоотверженно.

– Гер, что вы...

– Тсс, – палец приласкал мою нижнюю губу, – ты ведь так и не ответила мне. Я тебе противен?

И ведь чувствовала, что он не из тех, кто так просто сдаётся.

Я же абсолютно никогда не сталкивалась с подобным мужским вниманием. Растерялась, как девчонка, и готова была забраться под кровать, лишь бы сейчас не отвечать на его вопросы. Мне нужно было передохнуть, собраться с мыслями.

Слишком много событий для меня принёс этот день.

– Не давите на меня, гер Каил, – тихо, но твёрдо произнес-

ла я и сжалась внутри, не понимая, какую реакцию от него можно ожидать.

– Это так сложно? – усмехнулся он, – что же, раз не можешь так сказать, значит, будем выяснять иными путями.

В недоумении я покосилась на мужчину, но разгадать его задумку не смогла.

Придержав меня, он медленно сел. Чтобы удержать равновесие, я вынужденно схватилась за его плечи. Северянин улыбнулся и подался вперёд. Сжав крепче мой затылок, мягко коснулся губ.

Это не было противно.

Моё тело пронзила странная неведомая до этого момента сладкая дрожь. Не омерзение, а удовольствие.

Это смутило и напугало.

Незнакомый чужой мужчина – захватчик. Враг! Тот, кто всего несколько минут назад грозил расправой моим близким, не мог вызывать во мне такие чувства.

Но это шептал разум, а тело странно податливо обмякло в руках чужака.

Ухватившись за его рубашку, я не шевелилась, не зная, оттолкнуть его или притянуть ближе. Почувствовав мою заминку, Каил провёл кончиком языка по моей нижней губе. Так чувственно и нежно.

Растерявшись, я приоткрыла рот. Рваный выдох звучал особенно громко в царившей в комнате тишине. Прижав меня сильнее к своему мощному телу, Каил скользнул в мои

уста. Его язык смело обвёл зубы, коснулся нёба и внутренних стенок рта. Это не вызвало ожидаемой неприязни, более того, ощутив его вкус, мне впервые в жизни захотелось познать всю сладость поцелуя.

Не в силах сдержать этого порыва, я сама коснулась его языка, несмело лизнув.

Это напугало так, что я отпрянула.

Что я делаю?!

Лёгкий смешок, и я оказалась распростёртой на кровати. Надо мной навис довольный мужчина. Склонившись ниже, он снова захватил мои губы в плен. Чуть прикусив, оттянул, доставляя неведомое ранее наслаждение. Прогнувшись, я схватила ткань его рубашки и потянула на себя. Его язык властно ворвался в мой рот, оставляя сладковатый привкус. Руки северянина обхватили мою голову, словно тиски. Его язык лизал мой, дразнился и игрался, вызывая неистовое пламя внизу живота.

Стиснув ноги, я ощутила позорную влагу.

Никогда прежде со мной такого не было. Никто не вызывал столько желания. Застонав, я отстранилась, повернув голову набок.

Пытаясь не дать ему продолжить ласки.

– Моя маленькая княжна оказалась столь горячей девочкой, – хрипло выдохнул мужчина, его дыхание обожгло кожу на моей шее. – А теперь ты ответишь, противен ли я тебе?

– Нет, – тихо выдохнула я. – Теперь я противна сама себе.

Это не было ложью. Поняв, чем сейчас была готова заниматься с чужаком, которого до сегодняшнего дня никогда не видела, я ощутила себя казарменной девкой. Стиснув зубы, выровняла дыхание.

Такое унижение.

– Это неправда, – склонившись, Каил проделал дорожку поцелуев от уголка моего рта до мочки уха, сжав её в зубах. – Просто моя маленькая южанка никогда ранее не знала вкуса страсти. Привыкай, колючка, я буду целовать тебя каждую минуту, что ты проведёшь в моих объятьях, а находиться в кольце моих рук ты будешь всегда.

– Уйдите, – выдохнула я, вполне осознавая, что мужчина здесь ни при чём. Это я оказалась слишком легкодоступной.

– Уйду, но заметь, Амэлла, а страх-то ушёл. Ты чувствуешь его, глядя на меня?

Смутившись, я вдруг осознала, что не боюсь. Он меня злит, я возмущена, растеряна, но страха перед этим огромным мощным мужчиной нет.

Он исчез.

Прикусив губу, я робко заглянула в медовые очи северянина.

– Это ничего, – улыбнулся Каил. – У нас впереди много времени. Я смогу доказать, что я единственный мужчина, который способен доставить тебе истинное удовольствие, – шепнул он. – Ты станешь моей, Амэлла, даже если нам придётся сражаться. Я люблю воевать, моя княжна, и я не про-

играл ещё ни одного боя.

– Не понимаю вас, – судорожно передёрнув плечами, я попыталась выбраться из-под мужчины, но он лишь сильнее вдавил меня в матрас.

– Я уничтожу всю тьму, что скопилась в твоей душе и теле. Сотру память о другом, и заставлю тебя стонать подо мной. Умолять войти в тебя. Этот бой не будет долгим, моя Амэлла. Но эта победа будет сладка, как ни одна другая.

Уперевшись в его грудь ладонями, я попыталась столкнуть его от себя. Произнесённые слова смущали и приводили в трепет одновременно. Но вспомнив ночи, когда супруг приходил в эту комнату, я словно обезумела.

– Убирайтесь! – выдохнула я. – Мне не нужен мужчина. Я не хочу, чтобы кто-то касался меня. Не желаю, слышите. Это мерзко и противно. Больно и унижительно. Никогда я не попрошу вас сделать эту мерзость со мной.

Гер поднялся и, глянув на меня с высоты своего немалого роста, качнул головой.

– Я способен заставить тебя забыть его. Забыть всё, что связано с ним. Вычеркнуть из памяти даже лицо. Но я не сделаю этого. Ты поймёшь сама разницу между нами. Осознаёшь, чем насилие отличается от любви, Амэлла.

– Я не люблю вас, – выдохнула, отчаянно собирая крохи своей гордости, что разбилась о плотское желание, которое я испытала к этому мужчине.

– Конечно, не любишь. Мы же ещё толком и не познако-

мились. Но я исправлю это в ближайшее время. А сейчас поспи немного, прелесть моя неприступная.

– Я не желаю спасть, – воспротивилась я.

– А зря, слишком много переживаний на одну маленькую княжну.

Наклонившись, Каил обхватил моё лицо руками, заставляя смотреть ему в глаза. В них вспыхнул завораживающий тёплый жёлтый огонёк: он разгорался, принося с собой покой и умиротворение.

– Спи, моя долгожданная.

Послушно сомкнув глаза, я ощутила, как проваливаюсь в туман беспомощности.

Глава 9

Сквозь густую дремоту я услышала неясный шум. Словно кто-то кричал. И это явно не во сне, а наяву. Открыв глаза, потянулась и прислушалась.

Всё тихо.

Может, приснилось. Приподнявшись, посмотрела в окно: на небе только появилась яркая предрассветная полоса. Я любила вставать на заре, но сейчас было рановато даже для меня.

Опустив голову на подушку, снова услышала глухой звук. Кто-то определенно скулил и явно человеческим голосом. Замерев, мгновенно представила самое жуткое.

Северяне казнят местных!

Сев, осмотрелась. Платье нашлось сразу. Лежало, как всегда, у моих ног. Быстро облачившись в простенькое серое одеяние, более походившее не на наряд княжны, а на мешок для хранения картофеля, я подтянула к себе кресло и перебралась на него.

Не думая и не позволяя страху овладеть моим сознанием, подъехала к двери и распахнула её.

В коридоре было пусто, зато звуки слышались громче.

Я чётко различила слова: гер Каил просил завтрак, а ещё кто-то хрипло молил о пощаде гнусавым голосом.

Взявшись за обод колёс, я медленно подкатила коляску к

входу в центральный холл. В этом зале раньше князя вершили свой суд. Кажется, теперь эту традицию позаимствуют северяне.

Как и вчера гер сидел на княжеском кресле, рядом стоял онгер Риган с... длинной пепельной косой, перекинутой через плечо. А вот у их ног кто-то корчился.

На бедолаге лохмотьями висела грязная одежда. Я не видела лица, но даже уши этого мужчины распухли и покрылись грязно-коричневой корочкой запёкшейся крови. Худощавый, жалкий, он стоял на четвереньках, когда как ноги Каила, затянутые в высокие сапоги, были сложены на его спине. Это показалось мне чудовищным.

Северянин использовал мужчину, как скамеечку для ног. Мне бы уехать сейчас и сделать вид, что ничего не происходит, но я не могла так поступить.

– Каил, – имя само сорвалось с моих губ, – что происходит?

Черноволосый мужчина, что вчера держал меня в объятьях, замер и обернулся. Ноги свои со спины бедолаги не убрал.

– Почему ты не спишь, Амэлла? Утро раннее, солнце ещё не взошло.

Я перевела взгляд на притихшего несчастного.

– Кто это? – внутри всё сжималось.

Я боялась, что это кто из служащих в доме провинился. Ведь здесь все были друг другу родственники и служили в

княжеском доме поколениями.

– Иди сюда, милая, – Каил протянул мне руку.

Не сомневаясь, я подъехала к нему и попыталась пристроить кресло рядом. Но он ухватил его за спинку и подтащил к себе. Бережно подняв меня, пересадил на колени.

– Как спала моя девочка? Ты всегда так рано встаёшь? – такое обращение жутко смутило.

Я попробовала придать своему лицу строгости, но услышав короткий смешок, сдалась, и расстроено осмотрелась. В комнате находились ещё два воина, но вид они имели отрешённый.

Скользнув взглядом по полу, увидела у кресла, на котором мы сидели, небрежно брошенный кнут. Сглотнув, я уставилась на Каила.

– Ты скажешь, что здесь происходит? – шепнула вопрос одними губами.

Гер расстроено вздохнул и хитро глянул на меня.

– Ты испортила весь сюрприз, моя вартеса.

– Какой сюрприз?! Ты калечишь моих людей. Обещал ведь никого не трогать.

– Неправда, – от возмущения, Каил даже как-то приосанился, и, убрал ноги с несчастного, пнул его так, что тот завалился набок. – Я не обещал такого, к тому же планы на эту скотину обозначил сразу. Риган, пусть наш гость поприветствует мою женщину.

Сделав шаг вперёд, высоченный воин поддел носком са-

пога скорчившегося мужчину и опрокинул его на спину.

Я узнала его мгновенно.

– Князь Хумьяр, – секундная растерянность сменилась паникой, – а Мояла? Где она? Что с ней?

– Не волнуйтесь, вартеса, женщина спит, – звучным голосом словно пропел онгер и одарил меня неожиданно ласковым взглядом. – Она в дальней комнате. Бедняга так испугалась и перенервничала, что отключилась, как только ей сказали, что её возвращают под ваше крыло.

Выдохнув, я упёрлась лбом в плечо Каила. Это странно, но я не испытывала к нему неприязни, напротив, сейчас мне хотелось, чтобы он обнял как вчера. Естественно, попросить о таком я не смела, но маленькую вольность всё же позволила, положив руки на его грудь.

– Спасибо, – прошептала я.

– Ты так и не призналась, что она в положении, – упрекнул меня негромко гер.

– Как вы прознали? – перепугалась я не на шутку. В голове снова вспыхнула паника, ведь сказали, что мачеху не тронут, а как же дитя. Одного малыша Мояла потеряла, я не могла допустить, чтобы у неё отняли и этого ребёнка.

– Слуги сдали и выложили всё, что мы хотели знать, и даже немного больше, – усмехнулся онгер Риган.

– Вы им угрожали? – я сильнее сжала ткань чёрной плотной туники Каила.

– Нет, вартеса. Всего лишь заплатил пару монеток, силь-

нее страха только корысть, разве вы не знали?!

Услышав речь друга, Каил хохотнул и легонько коснулся губами моего виска. Риган же закинул за спину... чёрную как смоль косу.

– То, что сейчас здесь будет происходить, не для твоих глаз, девочка, – шепнул мне на ушко северянин. – Я хочу, чтобы ты вернулась в постель и выпалась.

– Что с ним будет? – я перевела взгляд на избитого князя Хумьяра Охрила, своего супруга.

– Допрошу. Ну, а потом украшу им наш внутренний дворик. Я надеюсь, ты не станешь просить меня за него?

Голос Кайла стал грубее и жёстче.

– Нет, – разжав ладонь, я пригладила смятую ткань, – только за мачеху. Мояла добрая женщина. И за ее дитя. Это ведь ребёнок вдовы, давно потерявшей мужа. Никто не станет связывать его с моим супругом.

– Твой супруг я, моя вартеса, а это просто кусок мяса, что брал не своё, – гер пригладил мои непричёсанные локоны. – Иди отдыхать, девочка, не на что тебе тут смотреть.

– А Мояла? Ты не тронешь ребёнка? – отодвинувшись, я открыто посмотрела ему в глаза, желая видеть, солжёт он или нет.

– Ты сама ответила на свой вопрос, Амэлла. Это всего лишь дитя вдовы. Мне нет дела ни до неё, ни до ребёнка. Успокойся и расслабься. Умрёт только князь.

Поднявшись, он передал меня в руки онгеру Ригану.

– Отнеси её в мою комнату и проследи, чтобы улеглась. Кресло я подниму сам. Старуху её разбуди, пусть при ней будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.